

Екатерина Оленева

Одиффэ Сирэнно

Невеста для Тьмы

18+

Екатерина Оленева
Невеста для Мрака
Серия «Красный цветок», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40558081

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая книга цикла "Красный цветок". Могущественный магический дар продолжает приносить рыжеволосой повелительнице Огненной Стихии новые неприятности. Тёмный Властелин, король-некромант, желает владеть всем самым лучшим, а те, от кого зависит Одиффэ, подписали брачный контракт за неё. Между любовью и властью рыжая ведьма выбрала бы любовь, но есть ли у неё выбор? Иногда за право выбрать приходится платить слишком высокую цену.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	56
Глава 6	78
Глава 7	94
Глава 8	117
Глава 9	131
Глава 10	144
Глава 11	156
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Глава 1

Мрак брызгал через прорези маски, изливаясь настороженной ненавистью. Мрак глянцевый, как смородина на солнце.

Угрожающе свистнула сталь и кончик обоюдоострого лезвия серебряной рыбкой сверкнул сначала у правого, потом у левого виска, заставляя меня поспешно отклониться.

Но я девочка не промах. Лёгкая, вёрткая. Техника боя у меня, без лишней скромности могу сказать, особенная. В свое время повезло с учителем, метаморфом-социопатом, искренне считавшим, что для красоты на свете существуют танцы, а цель боя до примитивного проста – смерть противника.

Результатом такого обучения стало то, что драться я категорически не умею. Либо убиваю, либо отхожу в сторону.

Как не старались потом другие учителя, привычка идти к убийству кратчайшим путем у меня так и осталась, въелась в кровь.

Со стороны мы, наверное, смотрелись забавно: огромный могучий волкодав и гибкая ощерившаяся кошка. Кстати, у кошки есть шанс выстоять против пса. Шанс есть всегда и у всех – так меня учили.

Да. У кошки в естественных условиях шанс остаётся, а у

моего противника его бы в жизни не было. В естественных условиях он был бы уже мёртв, а мне не пришлось бы так сильно потеть, как сейчас.

С каждым новым выпадом становилось всё сложнее удерживаться в реальности, не переходить грань. Сила вибрировала, пульсировала и рвалась наружу.

Следовало как можно скорее кончать эту канитель. Вот-вот придет неконтролируемая жажда крови.

Бездна!!!

Я сделала ложный выпад, вынуждая напарника парировать удар и, открывшись, позволила ему выбить клинок из моей руки. Меч с обидой свистнул, вонзаясь в землю, возмущено вибрируя.

Прости, дружок. Бывают случаи, когда поражение – меньшее из зол.

– Неплохо, – пророкотал напарник, стаскивая шлем.

– Польщена, – хмыкнула я.

– Слепой Ткач, Одиффэ! – догнала меня Астарэль, явно раздосадованная тем, как я сдала бой. – Зачем ты поддалась?

Я бросила на неё насмешливый взгляд:

– Да так. Жарко стало.

Душевые кабины располагались в самой старой части замка. Плиты и стены рождали гулкое эхо, стоило лишь шевельнуть пальцем. Вода в трубах завывала так, что самая страшная нежить, услышав это, рыдала бы от зависти. Да! Ещё были белые облачка пара, разносимые сквозняком.

Крутанув кран почти до отказа, я встала под душ.

В висках тёмными крыльями пульсировала нерастраченная сила. До боли хотелось крови. Я мучилась от невыполнимого желания: выплеснуть агрессию, а взамен впитать чью-то боль, чью-то жизнь.

Вода лилась горячая. Казалось, ещё чуть-чуть, и на меня прольётся кипяток. Но пульсирующие обжигающие струи были единственным болеутоляющим мне сейчас доступным. Убивать я была не готова. Да и не могла позволить себе этого.

Услышав неясный гул девичьих голосов, я чуть не зарычала. Мне необходимо было побыть одной. В таком состоянии, как сейчас, я опасна и для себя, и для окружающих.

«Слепой Ткач! Принесло же», – подумала я.

– Ну наконец-то хоть кто-то сбил спесь с этой гордычки! – злобное веселье, звеневшее в голосе, грозило перелиться через край.

Ай-яй-яй, Тангарид Фейлэр. Злорадствовать нехорошо.

– Ты видела, какое у неё было лицо?

Сомневаюсь, что собеседница Тангарид могла разглядеть его. Лица во время учебных боёв всегда закрывались проводочными щитами.

– Не погрешу против истины, предположив, что Гартрон сегодня получил тысячу благодарностей, да пребудет с ним благословение Двуликих! Я просто в восторге оттого, что эта Чеарровская шлюшка в кое-то веки была вынуждена лечь на обе лопатки.

– Почему она тебя так бесит, Тан? – любопытствовал кто-то из подруг. – Все Чеаррэ – высокомерные ублюдки. Но ты же не встаешь из-за этого на хвост?

– Тангарид так бесится потому, что Эллоиссент, перепихнувшись с ней по-быстренькому, предпочитает вздыхать по своей узаконенной подруге.

Я резко втянула в себя воздух. Перепихнулся с Тангарид?! Очень мило...

Ну, Эллоиссент!..

– Хочешь сказать, тебя, Ваньэс, не раздражает, когда парни западают на этот рыжий овощ? Я ещё могу понять, когда они таращатся на Сиэllu или Астарэль? У последней одна грудь не меньше третьего размера. А вот что они находят в этой рыжей морковке – совершенно не понятно!

– Ну, что находит в ней Эллоиссент как раз ни для кого не секрет. Он – псих, она – психопатка. У них родство душ. Девчонки засмеялись.

– А на мой взгляд, Эллоиссент – душка. И одевается он классно.

– А ещё глаза у него красивые. А эта Одиффэ действительно гадина. Поделом ей!

Резко отдернув занавеску, я зло глянула на сплетниц.

Девичий гомон стих.

– Одиффэ?..

Я изогнула бровь домиком, сложила руки на груди и смерила неприятельницу взглядом. Коронный жест, позаим-

ствованный у нашего, как выяснилось, общего любовника.

– Хоть прикрылась бы, бесстыдница! – фыркнула мне в лицо новоявленная соперница. – Или собственная неотрази-мость настолько вскружила голову, что думаешь и нас сму-тить своими непобедимыми чарами?

Холодное пламя неконтролируемой ярости окатило меня от макушки до пяток – я была голодна, разгорячена боем и разгневана. Словом, я была опасна. Этим жирным перепел-кам улепетывать без оглядки нужно, а они тут изощряются, пытаюсь подогнать шпильку поострее.

Рука метнулась вперед, смыкаясь на тонкой шее Тангарид. Я всей кожей, каждой мышцей чувствовала, как часто, испу-ганно бьется её пульс под моими пальцами. Фейлэр вжима-лась в стену, глядя на меня широко распахнутыми, испуган-ными глазами.

Желание сомкнуть пальцы, прорывая тонкую преграду её кожи, впитать в себя горячую пенящуюся кровь стало почти непреодолимым. Лань, сладкая, трепещущая лань, так и про-сящаяся на язык. Вкусная до безумия кровь! И сила. Маги-чески эта дурочка была одарена отнюдь неслабо.

Воцарившаяся тишина вдруг ударила меня по ушам, при-вела в чувство, возвращая на землю.

Девушки глядели одинаково квадратными глазами.

До меня вдруг дошло, как это должно выглядеть со сто-роны. Я, совершенно голая, прижимаю к стене хрупкую, то-же почти обнаженную Тангарид, плотоядно облизывая при

этом губы.

Упс!

Н-да...

Я поспешила отодвинуться от трясущейся с перепуга де-вушки. Бросив взгляд на её вытянувшуюся физиономию, не смогла сдержать смеха.

Представляю, сколько будет разговоров, когда дар речи к ним вернётся. Но пусть уж лучше эти дурёхи считают, что, унаследовав страсть Чеаррэ к однополой любви, я пыталась соблазнить непорочную невинность в лице Фейлэр, чем догадаются о том, как обстоят дела на самом деле.

Жажда крови сводила меня с ума. Я едва контролировала себя.

Неторопливо накинув халат на плечи, я ещё раз окинула подруг насмешливым взглядом.

Удалиться так просто, без спича, каюсь, не смогла:

– К вашему сведению мои непобедимые чары не смущают – они бьют наповал. Советую поразмыслить об этом на досуге и никогда больше не обсуждать меня там, где я могу вас за этим застукать.

Я удалялась со смешенным чувством, в равных пропорциях содержавшем веселье и злость.

Девчонки. Их шпильки не острее булавочного укола.

Только вот когда этих булавок много, боль становится очень даже осязаемой.

С момента моего поступления в Академию прошло четыре года. Через месяц мне исполнится девятнадцать. И произошло то, что должно было произойти. Вчера я получила письмо от дорогой приемной матушки, благодаря которой имела всё, на что не могла рассчитывать по праву рождения.

«Одиффэ!» – гласили строки.

Как всегда, Сантрэн не стала расшаркиваться и разминаться на неинформативные приветствия, пожелания здоровья и бытописания жизни общих знакомых, а сразу перешла к делу:

*Недавно прибыл посланник из Фиара с недвусмысленным требованием. Свадьба с Дик*Кар*Сталом должна состояться не позднее, чем через квартал, считая со вчерашнего дня.*

Я написала в администрацию Магической Академии, уведомляя их о необходимости ускорить получение диплома и свидетельства.

За тобой закрепилась твердая репутация одной из сильнейших учениц, так что вряд ли, учитывая обстоятельства, нам не пойдут навстречу.

Готовься

Сантрэн».

Игнорируя побуждение разорвать письмо на тысячу мелких клочков, заставить его вспыхнуть и навсегда исчезнуть из этой реальности, я аккуратно сложила его пополам. Потом ещё пополам. И положила под подушку.

Я не испытывала гнева. Того, от которого перед глазами начинает колыхаться алая пелена, от которого хочется нестись вперед, сломя голову, не разбирая дороги. Хочется драться, дерзить и кусаться. Нет. Я понимала, что бежать некуда. Передо мной глухая стена из толстеного кирпича. И стене, в общем-то, все равно, даже если в истеричном припадке я разможу об неё голову. Стена будет продолжать стоять, по-прежнему глухая и серая.

Это должно было случиться ещё два года назад. В день моего семнадцатилетия.

Но Дик*Кар*Стал молчал.

Молчала и Сантрэн.

Внешняя политика между Фиаром и Эдонией была сложной и неоднозначной, отношения шаткими. Мы балансировали на грани войны, но пока обходились мелкими стычками.

Что изменилось? Что могло поменять расстановку сил на политической доске? Почему ненавистная корона вновь поднимается над моей злосчастной головой, в коей не было ни одной властолюбивой мысли?

– Одиффэ?

В открывшемся дверном проеме сверкнули золотистые локоны Сиэллы.

– Ты здесь?

Легкие шаги приблизились и затихли.

– Ты в порядке?

С тихим шепотом полог распахнулся, открывая взгляду очаровательное личико фарфоровой куклы, с мягкими сияющими глазами и золотистыми локонами.

Я подвинулась, освобождая место рядом с тобой.

Золотая девочка осторожно присела на краешек ложа рядом со мной:

– Я хочу знать, почему ты не пришла к Эллоиссенту в лазарет? Он ждёт тебя.

Я молчала.

– Почему? – настаивала Сиэлла на ответе. – Как ты можешь быть такой бездушной? Словно ничего не происходит... ты знаешь, что он чуть не умер?

– Ну и что?

– Ну и что?! – Сиэлла ушам своим, видимо, не верила. – Как это: «Ну и что»?

– По-твоему, я должна волноваться? Он провожал очередную девицу легкого поведения, нарвался на очередную драку и получил в очередной раз по заслугам. Я не стану из-за этого лить слёзы.

– Одиффэ, тебе наговорили....

– Мне не наговорили. И, если тебе интересно, именно я отправила твоего дорогого братца на больничную койку.

– На самом деле мне не интересно, – скривилась Сиэлла. – Он негодяй. А ты... ты садистка.

– Вообще-то, если меня не злить, я, пусть и не белая, зато пушистая. Но у того, кто заставит меня всерьёз разозлиться,

есть все шансы об этом пожалеть.

– Что-то незаметно, чтобы Эллоиссент раскаивался...

– Верно. Я уже, признаться, сбилась со счета, сколько девиц прошло через его постель. Твой брат один из самых безответственных, легкомысленных существ, какие только встречались мне по жизни. Но это уже неважно.

– Неважно, что он изменяет тебе чуть ли не на каждом шагу?

Я удрученно кивнула, протягивая подруге письмо.

Сиэлла взяла послание, молчаливо пробежалась по нему глазами и так же, не говоря ни слова, вернула его обратно.

– Вот так-то, – выдохнула я. – Станет твой шальной братец лет, эдак, через пятьдесят-шестьдесят рассказывать своим детям, как когда-то трахал саму королеву Фиара...

Схватив стакан с прикроватного столика, я шарахнула им об стену. Расколовшись на несколько частей, он остался лежать на полу.

То, что разбилось, ещё никому не удавалось склеить.

Глава 2

Трельяж отражал меня целиком, как есть, от рубиновой макушки до оборки на пышной юбке-колоколе.

– Для чего вырядилась? – небрежно поинтересовалась Астарэль, не отрывая взгляда от книги.

Могла бы так старательно не изображать безразличие. Я знала, что она шпионит за мной. Не по собственному почину, (ей-то оно зачем?), а по настоянию любимой тётушки. Знала и относилась к этому вполне спокойно. Кто бы нашёл в себе силы противостоять целеустремленной, жесткой Сан-трэн? Сегодня Астарэль шпионит за мной, завтра, кто знает, я за ней?

Пусть себе шпионит. Я не в обиде.

– Иду на свидание.

Я расправила жесткое золотое кружево на груди.

– С кем? – прищурилась Астарэль.

– С Эллоиссентом.

– Так вы разве не в ссоре?

Я бросила через плечо насмешливый взгляд:

– В ссоре.

– Какие мы загадочные, – фыркнула Астарэль и спрятала лицо за книгой, не мешая мне уходить.

На самом деле, ни на какое свидание я не торопилась,

и с Эллоиссентом мириться не собиралась. Свидание я использовала как предлог. Мне до зарезу необходимо было выбраться из Академии.

Я демон, а демоны должны питаться. Как не печально – кровью.

Ночь походила на драгоценный камень, искрящийся в свете Трёх Лун, восходящих одна за другой: серебряная Ириама, алая Сиа и зелёный Летас.

Пересечь привычный лабиринт, сотворенный из живой изгороди, миновать врата, оставшись незамеченной, совсем несложно, если делаешь это не в первый раз. За последние четыре года мне приходилось изучать здешние изгибы, тупики и переходы довольно часто. Тайные беседки с мраморными скамьями, чаши с фонтанами, обманки-ловушки стали не просто привычными – родными. Каждая веточка, запах, шорох.

Подхватив длинные юбки, я шагала к выходу, выбирая кратчайший путь. Достигнув предела, тихонько свистнула и замерла в ожидании. Хрон, прекрасный, как тёмный бог, выкристаллизовался из темноты. Тонко всхрипнув, склонил изящную, узкую морду, шелковистым носом ткнулся в ладонь. Я охотно вложила угощение в его ровные острые зубы. Чертеночок охоч до солёной корочки хлеба, он её просто обожает.

Схрумкав в секунду жертвоприношение, ездовой демон

благодарно хрюкнул. Боюсь, кто-то подпортил безупречную родословную зверюги, иначе с чего бы ему, мрачному порождению ада, радостно хрюкать?

– Что? – огладила я круп. – Застоялась в стойле, скотина? Летим?

Вскинув точеную, как у лебедя, голову, затрепетав гривой на ветру, конь понесся вперёд. Земля стремительно ушла из-под ног. Ветер ударил в лицо, занялся дух. Сердце неистово заколотилось от восторга.

Каждый мускул в зверином теле играл подо мной.

Обожаю скорость! Обожаю силу! Ещё, ещё, ещё! Вперед! Обгоним ветер, обскочим собственные мелкие страстишки. Сорвем с себя, обливаясь свежим воздухом, все дурное, точно шелуху.

Ещё – быстрее! И – ещё!

Если бежать достаточно быстро, если взять нужный темп, то, может быть, всё дурное тебя попросту не догонит?

Район Реогра, «Долина Грез», квартал дорогостоящих, элитных борделей, освещался бездымными факелами, полной имитацией настоящих. Узкие улочки заливало их зловещим красноватым светом. Войти сюда можно, лишь имея специальный пропуск.

– Жди, – шепнула я Хрону, дунув ему в нос.

Демон всхрапнул перед тем, как раствориться в ночи.

Приятно иметь демоническую лошадь. Они не потеют.

Несись я на настоящем скакуне, мне была бы одна дорога – в душ, ибо приставуч конский пот, липуч и въедлив. А так, расправив шуршащие длинные юбки, я прошагала к двери, потянула за массивное кольцо, ударила три раза, как условлено.

Дверь распахнулась. Безносый привратник низко склонился, подобострастно шепелявя:

– Маэра?

Традиционно сунув в его липкую влажную ладонь монету, я проскальзываю внутрь.

Смешно! Все переломные моменты моей жизни, так или иначе, происходили в борделе.

С первой же ступени здесь окунаешься в безвкусную кричащую роскошь: сплошь алый бархат, золотые кисти, хрусталь, огни. Стежарус, дешевка и грязь. Словно нечистая угрястая кожа под слоем первоклассной косметики.

Пройдя в тень высокой колоны, я затаилась, обшаривая глазами зал в поисках жертвы. Как обычно, особых проблем не возникло. На меня тоже успели положить глаз, и молодой человек был вполне ничего себе, как раз в моем гастрономическом вкусе. Высокий, мускулистый. Лицо красивое: широкой лоб, прямой нос, пухлые губы, высокие скулы. Правая рука его от плеча до кисти была покрыта татуировками.

Не люблю, когда ровную поверхность кожи угаживают по-тугой на изобразительное искусство. И не верю, что это приносит удачу. Ни богам, ни демонам нет никакого дела до зна-

ков и символов, только глупцы могут верить в подобное.

Но мозги молодого красавчика мне не требовались. Мне нужна была его кровь и, возможно, жизнь.

Встретившись со мной взглядом, красавец приветствовал меня царственным кивком, небрежно давая знак подойти. А я – что? Я подойду. Я сейчас не гордая.

Передо мной снисходительно поставили треугольный формы бокал, в котором непривлекательно плескалось нечто зеленое, приторное даже на вид. Со льдом, в качестве утешительного приза.

– Я не пью алкоголь, – констатировала.

– Правда? Это очень глупо с твоей стороны, красавица.

Мы снова обменялись взглядами.

Каждый оценивал другого, исходя из собственных потребностей. Парня интересовали мои, в принципе, не слишком выдающиеся прелести, а я оценивала его возможную «питательность».

Жизненная энергия в его организме просто кипела, была ключом. А вот магии маловато. Ну да ладно. Так даже проще.

– Следуете за мной, – шепнула я многообещающе.

– Куда?

– Тс-с! – приложила я палец к его губам, требуя молчания. – Не задавайте лишних вопросов. Или, – я насмешливо приподняла брови, – вы чего-то боитесь?

Молодой человек поднялся и без лишних слов последовал

за мной.

Жрать хотелось до одури. Я уже едва сдерживалась. Немедленно нужна жертва, пока я ещё не окончательно спрыгнула с крыши, съезжая со всех катушек сразу. Пока ещё демоническое начало подконтрольно человеческой половине.

Мой ужин не отставал ни на шаг, преследуя меня, словно добычу.

В качестве жертв я всегда выбирала исключительно мужчин. Они полнокровны, их кожа горяча, их ярость при поражении похожа на боль. Сладкую, вкусную. К тому же они предсказуемы, легко ведутся на провокацию. Их легко контролировать.

Мы вышли из борделя и отошли в тень. Свет фонарей сюда не проникал.

– Эй, красавица! – голос сочился снисхождением и самоуверенностью. – Притормози-ка.

Тебя ждет сюрприз, милый.

Подпустив его, я шагнула вперёд, кладя руки на широкую грудь. Рубашка на нём в миг рассыпалась под пальцами пушистым ворохом пепла, а в ладони, под которыми его тело походило на послушную мягкую глину, полилась, впитываясь, горячая кровь, сочащаяся через его поры в мои.

Парень застонал и потерял сознание. Интересно, что он при этом чувствовал?

Кровь! Субстанция, наполненная дурманящими веще-

ствами, порочными помыслами и воспоминаниями. Наверное, при желании это всё можно подробно рассмотреть, но мне не нужна его душа, из чего бы она там не состояла. Я хотела лишь крови.

Я зашипела, как ошпаренная кошка, когда меня грубо оторвали от жертвы, не давая насытиться до конца.

– Хватит, Одиффэ. Я сказал – хватит!

Я вырвалась из рук Эллоиссента. Попятилась. Понимает ли этот придурок, как рискует? Голод пульсировал в жилах, в горле, туманил мозг, делая меня опасней вдвойне.

Эллоиссент проигнорировав как предупреждающее злобное шипение, так и плещущую тьму в моих глазах, схватил за запястье и толкнул меня к стене.

– Пусти, – прохрипела я.

– Успокойся.

– Пусти!!!

– Ну, тише, тише... не трогай этого ублюдка, зачем он тебе? Возьми меня. Так будет гораздо приятнее.

– Ненавижу тебя.

– А я тебя люблю.

Мы оба знали, что я сдамся. Что я уже сдалась. У меня не было сил сопротивляться мучающему голоду, противостоять сводящей с ума жажде. Руки привычно скользнули под белую рубашку, пальцы замерли, впитывая тепло упругих мышц, их твердость.

Эллоиссент откинул голову. Его дыхание участилось.

Боль!

Она тоже имеет разный вкус. Его боль была сладкая, терпкая, горячая. Его боль была обратной стороной его страсти.

Я припала к его губам, как путешественник в пустыне, набредший на целительный источник в оазисе.

Вздрагивающее тело в моих руках, горячие губы, кровь и боль заставили меня полностью потеряться в остром наслаждении.

Реальность возвращалась медленно.

Звездное небо. Дома, чьи окна, хвала Благим Богам, плотно закрыты ставнями.

Эллоиссент, тяжело дыша, с усилием опирался руками о стену, стараясь не рухнуть на землю.

– Ну и зачем ты полез? – холодно спросила я.

– Мне... не хотелось... не хотелось, чтобы ты кого-нибудь прикончила... – Слова давались ему с явным трудом. Говорил Эллоиссент с придыханием. – Не люблю видеть на твоих руках чужую кровь, – невесело хмыкнул он. – Наверное, ревную?

– Я могла тебя убить.

– Это непросто. Я живуч. А вот парня ты бы убила наверняка.

Закончив фразу, Эллоиссент поморщился, негромко охнул и, судя по всему, собрался рухнуть в обморок. Пришлось

шагнуть вперёд и поддержать. Сейчас мне как-то не хотелось, чтобы он распростерся у моих ног.

– Идём, – вздохнула я. – Горе ты моё луковое.

Рука Элла по-хозяйски обвилась вокруг моей талии.

Вспышка телепортации. И вот уже мы перешагиваем порог шикарной и одновременно с тем, вульгарной комнаты. Наше персональное убежище. Мы неоднократно сбегали сюда из Академии.

Невысокая хрупкая девушка с рубиновыми волосами, вся в черном, отражалась повсюду: справа, слева, под ногами и даже над головой. Медленно-медленно сняла она перчатки с маленьких, почти кукольных, пальчиков, пожала фарфоровыми плечиками и скользнула вперед, не оборачиваясь на спутника, бледного и серьезного.

Я села на кровать, застланную алым покрывалом, и устало сообщила:

– Здесь слишком много зеркал.

Эл не сводил с меня пристального, тяжелого взгляда. Бойтся? Или хочет меня?

Я вытянула ногу и улыбнулась, насмешливо и призывно:

– Поможешь снять сапоги, любимый? Они такие узкие...

Он приблизился.

Длинные и тонкие, как паутинка, волосы обрамляли красивое лицо с мерцающими, точно у кошки в темноте, глазами. Эллоиссент отличался какой-то болезненной, бесполой, и в тоже время, совершенной красотой. Иногда мне казалось,

что я могу смотреть на него бесконечно, как на огонь, раскачивающиеся в вышине деревья или плещущие морские волны.

Я ненавижу тебя, Эллоиссент! Ненавижу. За твою красоту и за то, что тянусь к ней – к тебе! – руками, губами, всем телом. Мне всегда будет мало тебя. Твоих поцелуев, рук, ласк, взглядов. И за это я тоже тебя ненавижу.

Опустившись на колени, он потянулся к моим ногам. Одна рука уверенно легла под колено, а вторая медленно заскользила по голени, пока не замерла на тонкой щиколотке. Жесткие-жесткие, слишком светлые глаза, глянули в упор перед тем, как он одним рывком содрал с меня обувь, заставив прикусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Его пальцы разжались. Алый сапожок с глухим стуком распростерся по полу.

Заставив себя улыбнуться, я поменяла ноги. Равнодушно, точно на подставку, поставила ступню на его колено, игнорируя вспышку гнева, сверкнувшую в его глазах. Нарочно скользнув острым каблучком в опасной близости от его мужского достоинства.

Ритуал повторился.

Медленное, мучительно сладкое скольжение кончиков его пальцев по внутренней стороне моего бедра, сводящее с ума; ладонь, обхватывающая ногу под коленом жёстко, почти грубо. Я с трудом удерживалась от желания запрокинуть голову и закрыть глаза. Но отдаться, сдаться мне мешали гордость

и обида. Нет, я не смежила веки. Напротив, мы безотрывно смотрели друг другу в глаза, как два кота, готовых схватиться не на жизнь, а на смерть.

Я опустила ноги на пол, целомудренно одергивая пышный ворох юбок.

– Не предложите девушке выпить, маэстро?

– Ты же не пьёшь?

С этими словами Эллоиссент выпрямился, стряхивая воображаемую пыль с брюк. Потом поправил манжеты, не спеша развязал тесёмки плаща и театрально отбросил его в сторону.

Вытащив из бара бутылку красного вина, «Кровь альфов», он легко раскупорил её и, расплескав по бокалам, протянул один мне. Затем вальяжно растянулся рядом, словно сытый кот.

Вкус у вина оказался пряный, обжигающий.

– Сними с себя эту мерзкую грязную тряпку, – поморщилась я, имея ввиду его испорченную во время встречи у борделя, рубашку.

– Тебе не нравится, ты и снимай, – ухмыльнулся он.

– У меня заняты руки...

Толчок. Бокал вылетел из моих ладоней, расплескивая алую жидкость на простыни, одежду и пол, а потом с жалобным всхлипом распался на части

– Теперь они свободны.

Он придвинулся, безотрывно, с вызовом глядя мне в гла-

за.

– Ну?..

От тёплого дыхания по коже побежали мурашки.

Ненавижу тебя. Ненавижу! За твою порочность, искушенность, любвеобильность. За силу переменчивого, как ртуть, духа. За непонятные мне принципы, которых у меня нет, не было, и никогда не будет. За трижды проклятую преданность твоей треклятой семье. За то, что их воля и интересы для тебя значили, значат и будут значить больше меня.

Ненавижу тебя. За мою жажду. За то, что нуждаюсь в тебе. Бездна! – нуждаюсь, как нуждаются в дыхании, в свете, в воде в знойный день. Как нуждаются в тепле после дня, проведенного на морозе.

Ты нужен мне, как поэту – рифма, матери – младенец, птице – небо, а океану – тайна.

Но больше всего я ненавижу тебя за то, что единственное, что ты можешь дать мне, это ворованные, запретные ласки.

Ненавижу тебя вместе с твоей тетушкой, расписавшей мою жизнь на пятьдесят лет вперед. За что, что ты никогда не приведешь меня в маленький домик в глубине леса, укутанного снегами. В домик, надёжно спрятанный от мира, где нас могло быть только двое.

Ненавижу тебя за то, что, когда меня, точно жертвенное животное, отправят в Фиар, под тяжесть царственной тиары, отдав в руки человеку, при имени которого люди много старше, опытнее и умнее меня, плюются от отвращения и содро-

гаются от омерзения, ты лишь покорно склонишь свою прекрасную голову. Ты ничего не сделаешь. И не потому, что я тебе безразлична, а потому, что этого требуют интересы твоей семьи. Что такое, по сравнению с правом контролировать столь мощную фигуру на политической арене, как Сиобрян Дик*Кар*Стал, сердце и тело маленькой рыжей ведьмы?

Ты, красивая мразь, не гнушающаяся заводить любовниц даже сейчас, когда я рядом; осуждающая все, что есть во мне, потому что это неправильно; ты, тварь, найдешь себе белую и пушистую женскую особь, достойную стать матерью твоим детям. И ты будешь с ней вежливым, милым, улыбчивым. Так все в вашем роду ведут себя со своими белыми и пушистыми женушками. И, конечно же, *она* никогда не причинит тебе той боли, которую причиняю я. Потому что не питаются они, *белые и пушистые*, кровью и болью. Они – не вырвавшиеся из огня, преданные адским силам ещё до рождения, демоны.

Одно утешение. Ты станешь изменять и ей. Потому что это ты. Поломанный, половинчатый. Разрываемый между желанием нести свет и сокрытой в душе тьмой.

– Ненавижу тебя, – промурлыкала я вслух. – Ненавижу...

Его торс сверкал, будто вышедшее из-за туч ночное светило.

В одежде Эллоиссент казался изящным, словно слащавая фарфоровая кукла. Обнаженный он куда мужественнее: рельеф мышц, квадратики на тонкой талии – длинные, но силь-

ные мышцы танцора, фехтовальщика, акробата.

Наклонившись, я жадно припала к его шее. Целовала чуть солоноватую кожу. Руки обвились вокруг его талии. Жесткая пряжка на ремне ободрала мне пальцы, но эта боль тоже показалась сладкой.

Мой любовник резко втянул в себя воздух. Немудрено. Ожоги на его груди, животе, не успевшие затянуться, наверняка саднят от моих прикосновений и поцелуев. Я хотела отстраниться, но его пальцы требовательно зарылись в мои волосы, возвращая на место.

Его длинные музыкальные пальцы медленно скользили по моей шее, будто в раздумье: придушить или приласкать?

Вскоре я вновь начала задыхаться, но уже не от ненависти, а от наслаждения. Его тело, жаждущее в немилосердной грубой страсти, было объято тем же палящим огнём, что и мое.

Губы терзали мой рот, шею, грудь, сминали, обжигали. Оставляли алые, пятнающие следы. Но я легко выдерживала эти жалящие поцелуи. Принимала их радостно, плотоядно, как иссушенная земля первые капли влаги.

Словно два одуревших от страсти зверя, мы катались по постели, продолжая наш поединок. Его тело было как магнит, а я ощущала себя грудой опилок. Я наслаждалась тем, что страсть ко мне превращала утонченного, холодного, как отграненный кристалл; изысканного, как цветок, юношу, в дикого зверя.

Я умирала, цепляясь за него, как за последнюю соломинку

в мире.

Глава 3

Эллоиссент лениво потянулся за сигаретой. Он глубоко затынулся едким дымом.

– Мы можем, наконец, поговорить?

– Я начинаю думать, что это следовало сделать *вместо*, а не после, – насмешливо ответила я. – О чём ты хочешь говорить?

– О нас.

– Что тут обсуждать? Мы неплохо проводим время, когда нечем заняться.

– Проводим время?..

– Или, точнее будет сказать – проводили? Ты ведь наверняка в курсе последних событий?

Я хотела, чтобы мой голос звучал язвительно, но вышло скорее грустно, чем саркастично.

Он поморщился и, не заботясь об эстетике, выпустил клубы дыма через ноздри. К облаку табачной горечи примешивалась наркотическая сладость. Меня это раздражало. Наркотическая зависимость хуже алкогольной. Не могу понять людей, добровольно соглашающихся на рабскую привычку.

Тонкая кожа на его веках подрагивала. Густые, как у девушки ресницы, гасили лихорадочный блеск глаз.

Как он был красив! Красив и порочен.

– Знаешь? – задумчиво протянула я, обрисовывая острым

ноготком контур его идеальных губ – Я тебя убью. Когда-нибудь...

В затуманенных наркотиками глазах промелькнул огонёк очередной насмешки.

– Да ну? Правда?

– Ага.

– Это будет нескоро, – с этими словами он осушил очередную бокал в несколько глотков.

Я согласно кивнула:

– Не скоро. А ещё – заканчивай с дурманом, любовь моя.

Он невесело рассмеялся:

– Подумать только: кровавый демон, не моргнувший глазом, без угрызения совести, наизнанку выворачивающий чужую душу и тело, вдруг читает мне мораль?

Он не прав. Дело тут не в морали. У меня нет морали как таковой. Просто я презираю слабость, в любом её виде. Как можно сознательно отказываться от контроля над реальностью, отравляя мозг дурно пахнущей гарью?

Зависимость – это плохо. Алкоголь и наркотики, девочки-мальчики, похоть – это плохо. Это – зависимость, следовательно, слабость.

– Скажи мне, – попросила я, отодвигаясь, – как называется мужчина, согласный поделиться своей женщиной с другим для получения выгоды?

Эллоиссент всё курил, курил. Он и не думал мне отвечать.

– Что мешает тебе, наплевав на волю дражайшей тетушки,

остаться со мной? – снова заговорил я.

– Долг, – ответили мне после бесконечной, тягостной паузы.

– Долг? О! Двудликие! Долг? Ты не мужчина, ты... – я пыталась подобрать нужное слово, – экономист. Или ты не хочешь меня. Потому что, когда хочешь чего-то по-настоящему – это берёшь. Если бы женщиной был ты, а мужчиной я – я бы женилась на тебе, и сотня тётушек меня бы не остановила. Плевать мне на них. Пойми, мне немного надо. Маленький домик, окруженный белым садом, зелень небес над головой, дожди по вторникам, а можно и по пятницам, всё равно. Чтобы был очаг, огонь в очаге и знание – рано или поздно ты все равно придешь. Пусть грешный, пусть темный, придешь и будешь мой. А я, пусть тоже не светлый альф, всё равно дождусь тебя, потому что люблю. Но ты ждать не станешь. И сражаться за меня не будешь. Ты меня не любишь.

Над переносицей Элла прорезалась тонкая морщинка:

– Я не могу сделать то, что ты хочешь. Твой брак с Дик*Кар*Сталом – залог мира между нашими государствами. Пусть хрупкого, непрочного, но мира. Сколько людей нуждаются в этом? Ставки слишком высоки. Что перед тысячью жизней и смертей моя или твоя любовь?

– Плевать я хотела на чужие ставки в чужих играх! – заорала я, теряя терпение. – Это моя жизнь! Я вам не кукла! Не разменная монета! Я – живой человек!

– Хватит строить из себя жертву, Одиффэ, – раздражено

отбросил он прядь волос с лица. – Тебе грозят не пытки, не сражения с превосходящим по силе противником. Стать женой короля – это что, так страшно для девчонки из подворотни?

Вот и сказано. Вслух. Без цензуры. Без прикрас и реверансов.

Я была для них, утонченных Чеаррэ, живущих разумом и презирающих чувства, всего лишь девчонкой из подворотни. И я должна быть благодарной за всё: за то, что отмыли, накормили, обогрели, нарядили, обучили и так далее. Благодарной и покорной.

Продолжать беседу бессмысленно.

– Не уходи, – сорвался его голос на шепот, – не уходи... так.

– Какая разница, как, если всё равно нельзя остаться?

В дверях я обернулась, чтобы со всей яростью отверженной женщины произнести:

– Ты пожалеешь об этом.

– Уже жалею.

Нет. Ещё пока нет. Но время придёт. Когда-нибудь. Наверное...

С мучительной, раздирающей болью, разрывающей моё гневливое, горячее и жестокое сердце на части, я постигла простую истину – то, что для женщины сама жизнь, для мужчины лишь сиюминутная прихоть.

Отправив меня далеко-далеко отсюда, Эллоиссент не

умрет от горя, он пойдет и утешится в ближайшем борделе. Через пару лет подыщет девочку из хорошей, правильной семьи, с маленьким, контролируемым потенциалом Силы. Слабую, добрую и светлую девочку. Женится на ней. И они будут счастливы вместе. А я? Я останусь ярким воспоминанием молодости.

Любовь – что это такое? Острое желание быть с тем, кому ты не нужен? Стремление достать луну с неба и зажать её в кулаке, пусть хоть на мгновение? Танец на лезвие ножа? Охота за лунным лучом, утопающим в холодной темноте озёр?

Нет никакой любви. Для меня, абсолютно точно – нет. Воплощенный демон нужен в этом мире постольку, поскольку может помочь захватить и удержать власть, до его чувств никому нет дела. Любовь не для нас. Все предопределено с самого начала. Демоны созданы, чтобы нести в себе разрушение и боль. Дети Тьмы и счастье не сочетаемы, как вода и пламя.

Мне с первого дня в Чеарэте недвусмысленно дали понять, *чем* придется заплатить за право вырваться из Бездны. Я всегда это знала. Почему же, Двуликие, так больно?! Почему душу палит яркое, жгучее, жалящее пламя, горло жгут невыплаканные слезы?

Эллоиссент спустился к завтраку как всегда безукоризненно одетый и элегантный. Лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить следы минувшей ночи: вспух-

шие после наших поцелуев губы да глубокие тени, делающие его глаза только выразительней.

Всё ему к лицу, и томность, и бледность. И судя по тому, сколько взглядов обращено в его сторону, не я одна придерживалась такого мнения.

Я наблюдала за тем, как он резал мясо, задумчиво и отрешенно. Но вот нож в тонких пальцах замер, мы встретились взглядом.

«Слабак! – хотелось крикнуть мне ему на весь зал. – Не достойный моих мучений, боли и терзаний слабак!».

Я ради него бросила бы все. Все, что угодно. Даже зная, *что* он такое и *кто* он такой: смазливый самовлюбленный кретин с промытыми мозгами, запрограммированный на бездумное служение семейному клану. Псих неопределенной ориентации. Распушенный хрупкий манекен, одетый с иголки, пустой, как погремушка.

Я дралась бы за каждый день, за каждую ночь, проведенную подле него. Но... не за что было сражаться.

Чеаррэ ошибаются, я не стану покорно служить их воле. Никто не посмеет мне диктовать, что делать, как жить. В Бездну трон, власть, и богатство! Роскошь это хорошо, но свобода – лучше.

Поднявшись, я вышла из-за стола.

Длинные коридоры с высокими окнами вели вперед привычным путем. Ночью зловещие, наполненные холодом, в свете солнца эти рукотворные лабиринты выглядели обман-

чиво безобидными. Высокие вазы на тонких ножках, похожие на увеличенные бокалы, с багровеющими цветами; раззолоченный шелк обоев, подбитых шпалерами; портреты великих магов и политиков, так или иначе влияющих на элиту общества.

Я шла вперёд, не уставая раздумывать. Ведь можно что-то изменить? Не бывает безвыходных ситуаций. Всегда можно отыскать выход. Фатализм – слабость. Не верю в судьбу. Мир велик, мир широк. Маленькой рыжей искорке найдется, где спрятаться.

План действий, пока ещё смутный, начал складываться. Я убегу. Прямо сейчас, пока ни одна душа не ждет от меня ничего подобного. Побег в моем случае поступок настолько безумный, что Чеаррэ, рационалисты до мозга костей, его не просчитают.

Вопрос: куда бежать? Рано или поздно меня везде настигнут. Здесь даже ветер подвластен могущественному Клану.

Что ж? Подумаю об этом позже.

Я быстро собрала вещи. Деньги, деньги и ещё раз – деньги. Причем наличные. Облигации и векселя не подойдут, по ним легко отслеживать все перемещения. Опустошив собственные карманы, я заодно облегчила запасы милых кузин. Совесть и гордость слабо трепыхнулись, но я цыкнула на них строгим голосом. Девчонки восполнят потери при первом же требовании. Они-то никуда не убегают.

Перед тем, как покинуть Академию навсегда, я бросила

прощальный взгляд в Главный Зал. На лунного мальчика с глазами чистыми и зелеными, как небеса; с душой душевной и мглистой, словно наползающий мрак. Он сидел, развернувшись в пол-оборота к хорошенькой блондинке и улыбаясь, слушал её лепет. С места, откуда я стояла, голос собеседницы расслышать не представлялось возможным. Но я без того знала, что у неё высокий, нежный и детский голос, под стать невинно-приторному альфийскому виду.

Эллоиссент таких любил.

Он наклонился к закрасневшейся, как маков цвет, девице. Его тонкие нервные пальцы переплелись с её пальчиками. Когда Эллоиссент наклонил голову, черные локоны эффектно рассыпались по спине. Глаза девушки ярко засияли, когда его губы коснулись тыльной стороны её ладони.

Боль и ярость сузили для меня широкое пространство залы. Отчаянно не хватало воздуха. На мгновение захотелось при всех устроить дикую сцену. Но осознание того, что в скандалах нет смысла, охладило мой пыл. Я только зря выставлю себя глупой гусыней. Наши отношения изначально были красивой иллюзией.

Больше не оборачиваясь, я вышла.

До заветной прогалины в каменной стене оставалось несколько метров, когда магический удар впечатал меня в стену.

– Куда это ты собралась, любовь моя? – услышала я за

спиной холодный от ярости голос Эллоиссента.

Вместо ответа, стремительно развернувшись, я ударила его под дых. Никто не поверит, глядя на мои почти детские ручки, в какое опасное оружие они могут превращаться с помощью отравленной магии, живущей в моей чёрной крови.

Эллоиссент сполз на землю, с трудом удерживаясь на грани сознания.

Склонившись над ним, я выдохнула в тёплые, дрожащие губы:

– Тебе меня не удержать, мальчик. Но вот что мне действительно было бы интересно узнать напоследок, каким образом твоя тётушка собиралась заручиться моей покорностью после того, как вождеденная корона украсит мои буйные рыжие кудри?

– Какого демона ты творишь? – прохрипел он. – Ты выиграешь гораздо больше, если сохранишь нам верность.

– Выиграю, не выиграю – это не имеет значения. Знаешь почему? Потому что я *не играю*. А теперь – догоняйте! Догоните меня, если сможете, Чеаррэ!

Я ударила огненной плетью первой. Эллоиссент успел увернуться, выставив щит-блок. Впрочем, на это я и рассчитывала. Убивать его сейчас в мои планы не входило. Я уже говорила, это случится когда-нибудь позже.

Ответная ударная волна широким ветряным языком ударила по мне, едва не опрокидывая на землю. Воздух просто взбесился. Он не сбивал с ног, он намеревался сорвать с ме-

ня кожу.

Да, Эллоиссент, кажется, на это раз разозлился всерьез! Я, таки, его достала?

Моё решение послать огненную сферу лишило Магическую Академии красивой клумбы, в которую Эл успешно её отбил.

Взвыли сирены, оповещая о применении запретной магии. Понимая, что через минуту здесь появится весь преподавательский состав академии, я решила пойти на хитрость и опустилась на колени, притворившись раненной.

– Одиффэ? – кинулся ко мне, полный тревоги и заботы, экс-любовник.

Когда тонкое жало стилета вошло ему под ребра вместе с моей магией, прожигающей внутренности подобно кислоте, глаза его удивлённо распахнулись.

Против моих расчетов, парень не потерял сознание. Чертов мазохист переносил боль более стойко, чем любой другой.

Он яростно прошипел сквозь сведенные болью зубы:

– Стерва!

А затем довольно забавно задергался в попытках подняться. Но боль была сильнее его воли. Эллоиссент напоминал паука с оторванными лапками.

Ничего, мой славный паучок, твои лапки ещё отрастут. А мне пора.

Прощай!

Глава 4

Я неслась по петляющим узким городским улочкам. В голове совершенная пустота, зато в сердце змеиным клубком копошились ядовитые змеи. Я почти опьянела от переполняющей меня злости. Хотелось омыть руки в крови, чтобы чужой болью, гневом и разочарованием утолить палящий душу жар.

Я мечтала о том, как заставлю горько пожалеть Чеаррэ об опрометчиво принятом решении.

Рассчитывала ли я сбежать всерьёз? На целом свете кроме них у меня никого не было.

Эмоции – эмоциями, но если рассуждать здраво, то мой поступок не что иное, как откровенная глупость. Ну, куда я пойду? Кто меня ждёт? Я уже совсем было собралась сдать-ся, сесть на одной из лавочек и покорно ждать, пока меня заберут, как, подняв глаза, наткнулась на интересное объявление:

«Требуются охотники за верфольфами, волкалаками, упырями и прочей нежитью.

Требования: владение магией стихий, техникой рукопашного боя, холодным оружием, стрельба из арбалета.

Высокая оплата гарантируется».

Попробовать можно. Удрать не удастся, так хоть развлекусь.

Охотников в городе набирали постоянно. Подобные пи-сули часто попадались на глаза, ими пруд – пруди. Да где же ещё искать потенциальных авантюристов, желающих най-ти приключения на свои неопытные, непоседливые задницы, как не в городе, в котором их штамповали ежегодно? Маги высшего уровня редко опускались до паломничества из од-ного места в другое. Кочевой образ жизни чаще выбирали выпускники магических школ. Именно они служили просто-му народу, в то время как выпускники Магической Акаде-мии работали на правительство – размах и амбиции не поз-воляли опускаться до истребления терроризирующих про-станародье монстров.

Порывистый ветер шелестел тонкой бумагой, порванной на ровные полосы, каждая из которой содержала указатель, как добраться до потенциального работодателя. Одно лени-вое движение и полоска зажата в пальцах.

Афьор – многоликий город, заполненный, с одной сто-роны, богачами: знатью, высшими магами, предпринимате-лями-торговцами, давно оставившими розничную торговлю для торговли в монополиях. Нажитое богатство позволяло этим гадам с кошельком вместо души, встать в один ряд с аристократией меча и духа. Здесь же, в Афьоре, благоден-ствовали бандиты всех мастей, оборотни-одиночки, по опре-делению являющиеся преступниками, потому что за мелкие проступки из Кланов не изгоняли. Артисты, нищие, прости-тутки, оборванные бродяги, беспризорники, попрошайки –

всем находилось место и дело.

Миновав Торговые ряды, я попала в район Постоялых Дворов.

Снег с улиц давно сошел, но последствия недавних паводков ещё давали о себе знать. Повсюду обильно текли мутные ручейки жидкой грязи, под ногами у людей и копытами животных хлюпала жижа. Вокруг теснились каменные строения с островерхими крышами, верхние этажи тяжёло нависали над нижними. С водостоков щерились ухмыляющиеся упыри, драконы и оборотни в различной стадии трансформации. На все лады расхваливали свой товар лавочники. Фигляры на перекрёстках давали представления. Предлагали свои услуги бродячие писцы с чернильницами за поясом. Воздух вокруг был тяжелым, зловонным и спертым. Редкие, резкие порывы ветра раскачивали вывески над лавками.

Сверившись с адресом, я остановилась перед одним из постоянных дворов.

Служанки развешивали белье на протянутых веревках. У коновязи кони, опустив морды, жевали овес.

Деревянные двери, к которым и коснутся неприятно, распахнулись от моего пинка.

Внутри оказалось так же неприглядно, как и снаружи. Несколько длинных нескобленных столов, тянувшихся от дверей до очага, почерневшие от копоти балки, грязь и паутина по углам. То ещё местечко.

Взгляд наткнулся на сладко посапывающего пьяницу в

нелепой круглой шляпе. Судя по запаху, эта свинья выжрала недельный запас алкоголя. С омерзением отведя взгляд от лужи, живописно растекшейся из-под этого... ведь даже животным обозвать нельзя. Несправедливо. За что невинным тварям такое оскорбление?

Не выношу алкоголя. К ладану, который мне, как представителю ада, следует избегать, отношусь спокойно, а вот спиртное не терплю.

Жалкие, мерзкие червяки эти мужики. Наверняка, придя домой этот солитер набирается наглости орать на детей и учить уму-разуму свою жену? Сынишки, подрастая, станут похожими на своего мерзкого папу. И всё это, разумеется, не имеет ко мне никакого отношения.

– Бармен! – рявкнула я.

Маленький поганец даже и не подумал поторопиться на мой зов.

Зря он так. Ведь чем больше я смотрю на храпящую в тёмном углу мерзость, тем больше портится моё настроение. А чем хуже у меня настроение, тем труднее иметь со мной дело.

– Бармен, мать твою!

– Чё орёшь, как оглашенная, девица? Ежа тебе в зад!

Запасы моего терпения иссякли. Мужика подбросило в воздух, прокатило по барной стойке, сбивая его грузным телом, словно тяжелой кеглей, недопитые клиентами стаканы и заляпаные жирными ладонями бутылки.

И швырнуло к моим ногам.

Судя по выпученным глазам, он впервые столкнулся с тем, что худенькие девчушки тоже могут быть опасны.

– Мне нужно видеть охотника, – сообщила я.

Мужик кивнул куда-то в сторону. Проследив в указанном направлении, я понаблюдала, как неспешно спускаются кожаные сапоги по шаткой деревянной лестнице.

Естественно, сапоги спускались не сами по себе.

Мужчина был среднего роста, худощавый, с запавшими щеками и пепельными, коротко состриженными волосами. Средних лет – явно успел отжить более сорока лет. Высокий лоб избороздили морщины, свидетельствуя о склонности к задумчивости и одновременно гневливости.

Спустившись, мужчина остановился. Скрестив руки на груди, уставился на меня. Глаза у него были ясные, серые и холодные.

– Давали объявление о наборе новых охотников? – спросила я, потрясая перед его носом бумажкой.

– Как тебя зовут, девочка? – хриловатым баритоном спросил он.

– Одиффэ Сирэнно.

Шансов на то, что какой-то заезжий охотник мог обо мне что-то знать были равны нулю. Не настолько я известная в широких кругах личность. К тому же я попросту не люблю врать.

– И я не девочка, – продолжила я, – уже успела разме-

нять девятнадцать вёсен. Полагаю, отозвавшихся не много, маэстро? Выбирать ведь вам не особо приходится? Возьмите меня в команду.

– Желających залезть Слепому Ткачу на хрен немного, но это не повод брать в пекло младенцев. У меня не развлекательная экспедиция.

– А я умею за себя постоять. Я боевой маг, да и в рукопашную дерусь неплохо. Хотите посмотреть?

– Только если ты настаиваешь.

Мужчина поднял руки ладонями к потолку, словно призывая меня обернуться.

За спиной стояли двое. Один кряжистый и коротконогий, с бритым черепом и жуткой татуировкой во всё лицо. Второй, помоложе, со скошенным подбородком и холодными глазами змеи.

Я бросила на сероглазого охотника вопросительный взгляд, уточняя, правильно ли поняла?

Он кивнул, давая разрешение.

Не люблю атаковать первой. Техника боя, которой обучали нас в Академии, построена таким образом, чтобы обращать против противника его собственную силу, а это возможно лишь при контратаке.

Но если настаивают – что ж? Желание клиента – закон.

Не говоря ни слова, я сбила с ног первым того, что был помоложе. Нужно отдать ему должное, сгруппировался он не плохо, почти мгновенно поднявшись на ноги.

Мужики переглянулись, загоготали и разошлись в разные стороны.

Лысый с татуированным лицом, схватив табурет, ахнул им об стол, отламывая ножки. Одну бросил мне. Я едва успела зажать деревянную палку подмышкой, как он с гиканьем понёсся вперёд. Его вес втрое, если не в четверо, превышал мой.

Когда нечто подобное отрабатывалась в спаррингах на учебных площадках, полагалась парировать удар, идущий сверху, повернуть палку и бить в открытую часть корпуса острым концом. У мужчин, как известно, паховая область самая чувствительная.

Проблема в том, что удар громилы мне было не удержать в любом случае. Поэтому вместо того, чтобы следовать инструкции, я даже и не попыталась принять на себя вес его массивной туши. Сгруппировавшись, бросилась под ноги, сбивая с ног. Перекатившись, уже поднимаясь, ударила его сначала под колени, а потом уже классическим образом – острым концом в пах.

Ахнув, противник согнулся пополам. Добивать я его не стала, посчитав, что раз бой тренировочный, можно обойтись без контрольного выстрела.

Тот, что был моложе, атаковал, в свой черёд.

Увернувшись, я ударила его палкой по задней части шеи, под затылком. С размаху парень грохнулся рядом со своим старшим противником, издав крик ярости.

Я застыла, опираясь на импровизированный шест, как на трость. Но долго отдыхать не пришлось. Мужики, не сговариваясь, вскочили на ноги и принялись за меня одновременно. Видимо, мне удалось разозлить их всерьёз.

Дальше, как по-писанному, пришлось исполнить коронный академический боевой трюк. Используя шест для упора, я взвилась в воздух, одновременно ударяя обоих противников ногами в живот.

Мне приходилось видеть, как после таких ударов люди не поднимались. Правда, эти приёмы исполняли накаченные богатыри-добры-молодцы, а не девушки-пигалицы моей комплекции, вся сила которых заключалась в резкости удара и неожиданности нападения.

– Довольно, – властно прозвучал голос сероглазого охотника. – Хватит, ребята. Говоришь, ты ведьма? – обернулся он ко мне.

– Маг, маэстро.

Мои недавние противники, покряхтывая, поднимались с пола.

Бармен пугливо выглядывал из-за своей стойки, выжидая, что будет дальше.

– Дипломированный? – уточнил охотник.

– А это важно?

– Нет. – Серые глаза, приклеившись к моему лицу, словно пытались прочитать мои мысли. – Первое – я не маэстро, потому что не умею колдовать. Во-вторых, что привело тебя

ко мне, девочка?

– Мне нужно покинуть Афьор. А ещё мне нужны деньги. Уверена, мы подойдём друг другу, добрый человек.

– Я не добрый.

– Тем лучше, – рассмеялась я.

– От кого-то прячешься? Натворила что-то?

– Я никого не убивала и не обкрадывала.

– Ладно, дерёшься ты вроде бы неплохо. – Он протянул мне раскрытую ладонь. – Ланджой.

Я пожала протянутую руку, крепкую, горячую и мозолистую:

– Можно считать, что я команде?

– Можно.

Сероглазый охотник подошёл к пустующей стойке и постучал рукой по столешнице:

– Выпивку! – потребовал он.

Через минуту зажав в руке кружку пенящегося эля, он устроился на скамье за ближайшим столиком, кивком предлагая мне сесть рядом.

– Тебе приходилось раньше слышать об Охотниках, Одиффэ?

– Я хорошо представляю, в чём заключается работа наёмника.

Отхлебнув из кружки, мужчина подержал напиток во рту, наслаждаясь вкусом, покатал его на языке, а потом с видимым удовольствием проглотил:

– А нечисть ты тоже хорошо себе представляешь?

– В базовый курс любого колдуна входит ознакомление с этими тварями.

– Ладно, посмотрим, что выгорит из этой затеи. Маг мне всё равно требуется до зарезу. Но не жди, что мои ребята станут лезть на рожон из-за твоей смазливой мордочки. Эта работа. Каждый делает своё дело.

– Договорились, – фыркнула я в ответ.

Сдалась мне их защита!

Самой опасной тварью во всех предстоящих им переходах буду я. Только им знать об этом необязательно.

– В команде, не считая тебя, семь человек, – вводил меня Ланджой в курс дела. – Оукмара и Делроя ты уже видела. С остальными скоро познакомлю. Нужна будет лошадь?

У меня были собственные лошади – горячие жеребцы лучших кровей. Они находились в Чеаровский конюшнях, где с моего дозволения улучшали лошадиную породу, находящуюся во владениях Семьи, исправно трудясь на поприще производителей. Сии горячие скакуны были подарком того самого жениха, от которого я предпринимаю жалкие попытки скрыться. Ещё при необходимости я могла вызывать ездовых демонов. Но не охотнику же на этих тварей об этом рассказывать?

– Верхом-то на лошади держаться умеешь?

Я кивнула.

– Мы купим тебе лошадь, заплатив из общих денег, стои-

мость позже вычтем из твоего жалования, – подытожил он.

Близилось время ужина и люди потянулись в общую залу харчевни. В воздухе заструились тяжёлые запахи пищи – мясные похлёбки с луком, жареное мясо. В распахнутую на кухню дверь можно было увидеть огромные сковороды, в которых вскипали озера масла, дожидаясь положенного градуса.

Дверь то и дел открывалась, пропуская новые лица.

Охотники Ланджой скоро собрались за одним столом.

Оукмар с татуировкой во все лицо и бугрящимися под безрукавкой мышцами; Делрой – невысокого роста, с резкими, невыразительными чертами и злыми глазами юноша; Джейманн – лукавый молодой человек лет двадцати пяти, с орлиным носом и бархатными карими глазами, от которого за версты и лиги несло бабским угодником. Не приглянувшийся мне с первого взгляда надменный красавец-блондин, одетый броско и щеголевато, при более близком рассмотрении оказался старше, чем я подумала сначала. Он звался Кассли и не переставал разбрасывать вокруг высокомерные, брезгливые взгляды. Судя по тому, как держались с ним остальные, симпатии у них он тоже не вызывал. Таббар – здоровенный, заросший до глаз бородой детина, глыбообразные плечи и узловатые руки которого свидетельствовали о дюжей силе.

Самого броского человека в этой компании звали Кентаром. Могучее телосложение выделяло Кентара даже на фоне

Оукмара и Таббара, которых назвать коротышками язык не поворачивался. Безобразный шрам, если так можно назвать багрово-коричневый рубец, протянувшийся от уха до подбородка, придавал мужчине свирепый, ужасающий вид.

Единственную женщину в этой компании звали Меллина, товарищи по оружию сокращали её до простого Мэл. Мысль о том, что она было чей-то возлюбленной, отпадала сразу, слишком уж мужеподобной была эта дама-воительница. Высокая, под шесть футов четыре дюйма, широкоплечая, с крупными чертами лица, мясистым носом, ярко выраженным носогубным треугольником и землянистой кожей, она не то, что не тянула на красавицу, а была откровенно дурна собой как женщина. Зато воином, судя по одежде, походке и манере носить оружие, была отличным.

Мел была молчалива и ела за двоих.

Судя по взглядам, моя персона не вызывала у людей Ланджой доверия.

Больше всего мне не понравились взгляды Джейманна. В нём сверкал огонёк мужского интереса. Если с этим парнем не держать ухо востро, у нас могут быть неприятности.

Охотники ели от души, а мне, признаться, пища не особенно лезла в горло.

За исключением Касли и Ланджоя, будущие товарищи поглощали пищу с незатейливой жадностью простонародья. Особенно производила впечатление манера Таббара вытирать жирные от мяса пальцы об окладистую бороду. Просто

блеск!

– Выдвигаемся завтра с восходом солнца, – заявил Ланджой.

– Ты говорил, что сегодня на закате? – подала голос Мел.

– Завтра, – отрезал сероглазый.

Я была с ним солидарна.

Во-первых, если только охотники не собиралась травить нечисть на большом тракте, передвигаться под солнечными лучами безопаснее и практичнее с любой точки зрения. Во-вторых, ночевка под надёжным кровом давала возможность дополнительного отдыха, а за день можно покрыть большее расстояние, чем при неровном свете луны. А в-третьих, что самое важное, пока мы в Афьоре у меня остаётся шанс быть пойманной.

Чем больше я взирала на окружающую меня компанию, тем больше такая перспектива вдохновляла.

– Едем в сторону Корса, в Щэрское ущелье. Местные жители жалуются на нападения волкодлаков.

– Есть шансы на то, что это действительно так? – сузил глаза Кассли, тряхнув тщательно завитыми в локоны кудрями.

– Приедем на место, разберёмся.

– А ты, малышка, волкодлаков не боишься? – подмигнул мне Джейманн.

– Нет.

– А ты их видела? – хрипло хмыкнул Таббар. – Хоть разо-

чек? Не на картинке?

– Нет.

– Вот потому-то и не боишься, – заржал Оукмар.

– Жуткие твари, – аккуратно вытер губы салфеткой Кассли. Где он её взял – ума не приложу. С собой, может, носил? – Когда Джейманн увидел первого в своей жизни волкодлака, он обделался. Так, парень?

Тонкогубые рот Джеймана расплылся в лукавой усмешке:

– Так я ж тогда совсем желторотый был! А тут такая громадина, фута три в холке, не ниже. А пасть – во! – развел он руками. – И прёт на тебя, клацающая вот такими зубищами!

– Верно-верно, – со знанием дела закивали Оукмар с Таббаром.

– Если бы не Кентар, тут бы мне и крышка, – закинул Джейманн в рот новый кусок говядины, смачно заливая его пивом.

Кентар, подняв голову, хмуро поглядел на болтуна. Впрочем, с его-то рожей, как не взгляни, все хмуро покажется.

– А знаешь, малышка, как нужно убивать волкодлака?

Сомневаюсь, что этим парням подошёл бы мой способ.

– Как получится, – сказала я вслух.

– Любую нечисть убивает огонь, – делились со мной опытом. – Но на ходу спалить такую громадину, поди, попробуй. Поэтому нужно успеть отрубить ей голову до того, как она откусит твою. А скорость у волкодлаков, скажу я тебе...

– И реакция отменная, – кивнул Ланджой.

– Можно просто лапу отрубить, – со знанием дела заявил Таббар. – Эти твари без лап куда медленнее бегают.

Какое интересное наблюдение!

Они несли этот бредовый вздор и дальше. Крутые парни, кто бы сомневался?

Крутые, смелые, отчаянные неудачники. Потому что «удачники» не бродят по долинам и по взгорьям в поисках приключений и вечно недостающих на выпивку денег.

Я вежливо делала вид, что слушаю.

После ужина Джейманн по настоянию Ланджоя привел для меня коня. Ничем особенно кляча не выделялась – ни чистотой кровей, ни гибкой шеей, ни тонкими, как лоза, ногами. Обычная среднестатистическая лошадь. Сама бы я ни за что такую не позарилась, но выбирать не приходилось. Капризничать глупо. Я больше не Чеаррэ, а для Сирэнно и так хорошо.

Остаток дня прошёл без приключений. Никто за мной не явился.

Нам с Мел выделили одну комнату на двоих. Впрочем, комната – это слишком громкое название для лачуги в несколько локтей. Жаловаться, однако, не приходилось. Мужчины вообще спали внизу, вповалку, вместе с другими посетителями утлой таверны.

Струганные доски, на которых пришлось коротать ночь, напомнили мне годы детства. С закатом солнца температура в комнате стремительно падала, куцее одеяло не грело.

В довершение праздника, в ничем незанавешенное окно ярко вливался лунный свет. Да ещё и соседка храпела так, что убить её за это было не грех.

Я ворочалась с боку на бок, изводя себя мыслями и нежизнерадостными умозаключениями.

Если меня не схватят с ближайшее время, короны Фиара мне точно не видать, как своих ушей. Даже Дик*Кар*Стал побрезгует жениться на девке, ночующей в компании гренадёров и гоняющейся за всякой шушорой.

Такова натура человеческая, то, что ещё недавно казалось мне совершенно ненужным и крайне нежелательным, отсюда, из засиженного клопами сарая, выглядело вполне так нечего себе.

Одно дело покапризничать и временно тут перекантоваться. Другое – застрять навсегда.

Что, если я не так уж нужна этим Чеаррэ? Найдут они себе другую ведьму, да и выдадут её за короля-некроманта, оставив меня с носом. Что я тогда буду делать? Только врождённое упрямство и врожденная вредность мешали выскочить на улицу, размахивая руками, с криком: «Ау! Ребята! Я тут!».

Доски больно впиякивались в рёбра. Залётные сквозняки охладили плечи, заставляя поджимать ноги, сворачиваться колечком, чтобы хоть как-то удержать остатки тепла. Я ужом вертелась на пыточном ложе, подсмеиваясь над тем, какой я стала неженкой.

Где-то выли собаки. Внизу стучали и орали.

Убить бы всех!

Ближе к рассвету мне всё же удалось уснуть. Но, казалось, стоило только смежить веки, как меня тут же принялись будить:

– Эй! Вставай! Пора, – тряхнула меня за плечи Мел.

Вода в кувшине для умывания была холодной до безобразия. Трясаясь от холода и недосыпа, мы с Мел спустилась вниз, туда, где дым от очага завис под закоптелым потолком, заставляя людей заходиться в приступе кашля, что по непонятной причине несколько не портило им аппетита.

Выглянув в окно, я увидела петуха с выщипанным хвостом, бодро горланящего на мусорной куче. Есть в такую рань я катастрофически не могла, и только зевала с рисков вывихнуть себе челюсть.

Кони уже стояли под седлом.

Спустя час мы, к моему тихому отчаянию, в котором я не призналась бы даже под страхом смерти, беспрепятственно покинули Афьор.

Глава 5

Мы двигались рысью, стараясь не утомлять лошадей – переход планировался долгий. По обе стороны от дороги лежали ещё не засеянные зерновыми поля, в чьих глубоких бороздах голубели тонкие полоски воды, не успевшей испариться. То тут, то там взгляд натывался на пышные кусты, покрытые лиловыми первоцветами. Пахло древесными соками.

Но счастье длилось недолго. Цветущие кустарники сменились сухостойником, над которым стаями вилось вороньё. Падальщиков привлекала длинная вереница виселиц, поднявшихся словно стройный лес.

– Трупы свежие, – неприязненно сморщил длинный аристократический нос Кассли.

– Банда Феера, – откликнулся Джейманн. – Отказались ребята по-доброму сдаться Стальной Крысе, вот и повесили их, высоко и быстро, без суда и следствия.

Смотреть на такое малоприятно даже полудемонам. Пока мы спускались к реке я, в числе прочих, отворачивалась, старательной зажимая рукой нос. Миновав древний горбатый мост, перекинутый с одного берега на другой, мы продолжали следовать за Ланджоем.

Ехали долго. То спускались с холмов, то поднимались на кручи. Ровных участков почти не было.

Окружающий ландшафт не впечатлял. Все эти природные красоты предстояло преодолеть обычным способом, то есть верхом на потеющей, взбрыкивающей, уставшей лошади. А это далеко не фунт изюма. Моя многострадальная задница успела покрыться мозолями, и каждый новый шаг походил на пытку.

Когда уже всерьёз начало казаться, что день не закончится никогда, что солнце пришпилено к небу невидимой гигантской булавкой, светило начало медленно закатываться за горизонт. Однако радости это не прибавило. Местность оставалась неизменно пустынной. Из строений, если и попадались, то только заброшенные фермы. Жилым даже и не пахло.

– Не пора ли осмотреться в поисках ночлега? – предложил Таббар.

– Осматривайся – не осматривайся, а вокруг одно: пустыня. Кажется, так и придётся заночевать под открытым небом, – высказал вслух общие опасения Кассли.

Ночь действительно застала нас в пути. И, что ещё хуже, вместе с ночью нагрянула гроза. Стоило только солнцу скрыться, ветер принялся набирать силу, вскоре превратившись в настоящий ураган. Всполохи молний рассекли небо, гром зловещим хохотом рассыпался по острым каменным скалам, окружившим нас со всех сторон, словно зубы в пасти у чудовища.

– Бездна! – просипел Ланджой.

Трудно было с ним не согласиться.

Спустя час, когда все вымокли до нитки и почти отчаялись, навстречу из темноты выдвинулись дома в окружении оград из жердей. Мы, таки, набрали на деревню.

Ланджой постучался в первый же попавшийся дом.

За дверью мелькнул свет, и сиплый старческий голос осветомился, кто это в столь позднее время тревожит сон добрых людей?

– Мы охотники за нечистью, – прокричал Ланджой. – Приехали в вашу деревню по специальному распоряжению Департамента из Афьора.

Дверь осторожно приоткрылась. Показалось круглое благообразное морщинистое лицо. Чтобы лучше разглядеть нас, старик держал в высоко поднятой руке масляный фонарь.

– Охотники? – переспросил он. – Хвала Двудиким! Наконец-то! Наш лорд велел незамедлительно препроводить вас к нему, как только вы появитесь...

– Чего ж медлишь? – не выдержал Кассли. – Веди!

Старик отрицательно замотал головой, проявляя одновременно трусость и благоразумие:

– Простите, господа, но я слишком стар, чтобы покидать кров в такую ночь. Вы без труда сами найдёте господский замок. Нужно проехать совсем немного вперёд и увидите его.

– Вперёд! – скомандовал Ланджой.

– Предлагаю для начала оторвать голову здешнему лорду, – предложил Кентар, – а уже потом приняться за местных

волкодлаков.

– Остаётся надеяться, что волкодлакам не нравится дождик, и мы хоть до замка-то доберемся без приключений, – ответил другу Джелрой.

Кони, скользя, с трудом вскарабкались по крутому откосу, ведущему к замку. Мы остановились у рва, над которым сумрачной тенью нависал подъёмный мост. Почти сразу с лязгом отварило решетчатое окошечко надвратной башни, и чей-то трубный глас поинтересовался, кого это слепой ткач принёс в такую непогодь?

– Охотники за нечистью, – повторился Ланджой. – Если вы не впустите нас немедленно, гюрзу вам в глотку! – своих чудовищ будите ловить сами, – прорычал он.

Мост, гремя и бряцая, стал медленно опускаться. Мы получили возможность въехать под тёмную арку, миновали узкий мощёный двор и вошли, благословляя Светлых Богов, в замок.

На второй этаж по узкой винтовой лестнице подниматься пришлось гуськом. Двустворчатая дверь, распахнувшись, пропустила в просторный сводчатый зал, освещённым красноватым пламенем огромного камина.

По меркам провинции, в которой волей случая пришлось оказаться, местный лорд был богатым человеком. Стены увесили пёстрыми коврами, на коих вперемешку красовались охотничьи трофеи: головы, шкуры, рога. За трофеями рядами тянулось дорогое оружие.

Хозяин всего этого великолепия восседал в широком кресле возле огня. То был человек с узкими щелками вместо глаз, надменно выпяченной нижней губой и совершенно лысый, как моё колено. Одет лорд был затейливо и старомодно. Длинный камзол свободно облегал грузную фигуру, широкий кожаный пояс туго стягивал массивный живот.

– Значит, вы и есть охотники? – низким голосом прорычал хозяин вместо приветствия, предварительно изучив каждого из нас долгим, внимательным, не слишком-то доброжелательным взглядом. – Мы ждём вас уже несколько недель. Нельзя сказать, чтобы вы были расторопны, господа.

– Мы пустились в путь сразу, как только получили приказ из Департамента, – возразил Ланджой.

Лорд снова скользнул по нему тяжелым взглядом:

– Мои крестьяне упорно распускают слухи, – процедил он, – что по окрестностям гуляют волкодлаки. Я, как лорд этой деревни, пытаюсь принять меры, честно исполняя свой долг. Но правительство, как всегда, проявляет заботу о людях лишь на словах... мало того, что ваши услуги я должен буду оплатить из личной казны, вы ещё и заставляете ждать себя.

– Не в наших правилах медлить, уверяю вас, – отвечал Ланджой. – Для людей нашей профессии время – это деньги. Но сейчас, сами видите, мои люди вымотаны, они устали с дороги. Нам необходима сухая одежда, пища и отдых.

Лорд выпятил нижнюю губу ещё дальше, хотя это и каза-

лось невозможным:

– В этих краях законы гостеприимства святы. О ваших людях позаботятся, – процедил он величаво.

Слуги повели нас через очередной узкий коридор. Миновав несколько окованных железом дверей, мы оказались в пустом круглом помещении с голыми каменными стенами, лишь на широких подоконниках лежали покрытые циновками лежанки. Ничего не скажешь, королевские апартаменты.

– Не слишком-то радостно нас здесь встречают! – прорычал Оукмар. – Может быть, обидеться и завтра убраться отсюда подобру-поздорову? И хрен с ними, с деньгами, а?

– Что тут скажешь? – ухмыльнулся Джейман, – Пусть крестьян неприветливого лорда волкодлаки сожрут живьём, всех до одного. Он из-за своего скопидомства вполне заслуживает остаться без вассалов.

Слуги лорда, тем временем, складывали сухие дрова, растопку и бересту в камин. Зажав кремень и трут, они высекли огонь и принялись раздувать его маленьким мехом. В трубе завывал ветер, загоняя клубы дыма обратно.

Подумать только, сколько усилий? Мне достаточно просто взглянуть, чтобы этот паучий камин разнесло взрывом вдребезги. Хотя взглянуть – это я, конечно, немного преувеличила. Камин взорвался бы только в том случае, если бы я выплеснула в него всё скопившиеся за последние дни раздражение. Чего я делать, конечно же, не собиралась.

Компаньоны и соратники принялись стаскивать мокрые

сапоги, доспехи и одежду. Мы с Мел забились в укромный уголок, где в свой черёд, с удовольствием сбросили мокрые тряпки.

Я особо не скромничала. После бешеной скачки, грязная, далекая от всего, что принято считать в обществе привлекательным, я считала, что надёжно застрахована от мужского внимания. Судя по заинтересованным взглядам и вытянутым шеям недооценила я игру мужских гормонов.

Интересные всё-таки зверьки эти мужчины. Мне вот сейчас, например, было глубоко плевать на все их телесные достоинства. Хоть они голыми туда-сюда перед моим носом ходи, будет ноль реакции. А у них, – ведь, поди ж ты! – всё совсем иначе.

После перехода тело нестерпимо ныло. А ведь я далеко не изнеженная комнатная девочка, да и в Академии Магии нас гоняли – будь здоров! Но вот она, разница между учебой и тем, что уже по-настоящему. На тренировочной арене, устав и вымотавшись, ты просто сдашься, потому что, как не суровы условия обучения, в конце любого спарринга ставится лишь оценка, а в конце боя таится чья-то смерть.

Колокол позвал к ужину, отвлекая меня от размышлений, а мужчин – от подглядывания.

В столовой было по-настоящему уютно. Звуки разыгравшейся непогоды сюда почти не проникали. В жирандолях горели восковые свечи, а сам стол ломился от еды: рыба, дичь, мясо, овощи, варенье, каравай хлеба, всевозможные лепёш-

ки, вино или простокваша на любой вкус – всё было тут.

– Садитесь и отужинайте, – пригласил лорд, указывая Ланджою место напротив себя.

Рядом с лордом, по правую его руку, сидела высокая чопорная дама средних лет. Одета она была с претензией на хороший вкус.

– Добро пожаловать к нашему столу, господа, – скупно уронила хозяйка замка.

За дамой расположились молодые люди, оба не старше двадцати пяти лет, одетые по последней столичной моде: камзолы, шейные платки. У обоих были длинные волосы, причем собственные, а не парик, что говорило в пользу их хорошего вкуса.

– Мы рады вам, – проговорила единственная, если не считать меня, девушка за столом. Видимо, хозяйская дочка. – Вы ведь убьёте этих чудовищ, господа, правда?

– Не беспокойтесь, маэра. Убьём. Это наша работа, – ответил Ланджой.

Девушка, слегка покраснев, мило заулыбалась, продемонстрировав очаровательные ямочки на щёчках.

– Возможно, ваши люди не боятся волков, – вскинул голову один из сыновей лорда. Тот, у которого были прекрасные золотистые локоны. – Но этот зверь – особенный.

– Обычно волкодлаки не делают различий между людьми, ведь так? – произнесла дочка лорда. – Но этот как будто специально выбирает лишь женщин и детей.

– Вы видели его? – спросил Ланджой.

– Нет.

– Полагаете, волкодлак здесь в единственном числе?

– Мы на это надеемся. В противном случае ваши услуги обойдутся нам ещё дороже, не так ли? – усмехнулся лорд.

– Понимаю ваш скептицизм, маэстро, – кивнул Ланджой. – Но такова жизнь. Если хочешь, чтобы грязную и опасную работу за тебя сделал кто-то другой, приходится платить.

– Мы собрали для вас сведения о пострадавших, – подал голос темноволосый сын лорда, предпочитающий до сего момента отмалчиваться. – Как только отужинаем, принесут документы, чтобы вы могли просмотреть их и сами сделать выводы.

Сквозь звуки бури прорвался леденящий душу волчий вой. Он почти всегда и на всех нагоняет тоску и ужас, боги знают почему? Живые волки зачастую не представляют для людей опасности, а мёртвые – никогда не воют.

Жена лорда вздрогнула и нервно промокнула губы салфеткой:

– Линуар, дорогая моя, – обратилась она к дочери, – поиграй, пожалуйста, на клавесине. Уверена, гости будут рады послушать музыку.

Рады, как же! Терпеть не могу музыку. Волчий вой, конечно, тоже не сахар, но уж лучше он, чем жалкие потуги провинциальной девочки на музицирование.

Линуар не заставила себя просить дважды. Она направилась к инструменту, и вскоре из-под её тоненьких пальчиков полилась монотонная однообразная мелодия. Клавесин особенно хорош тем, что не способен передавать музыкальные оттенки.

– Мы пытались поймать зверя сами, – выстукивая пальцами нервную дробь по столу, поделился воспоминаниями темноволосый наследник лорда. – Но у нас ничего не вышло.

– Люди не сведущие не должны браться за дело, – Ланджой отодвинул от себя столовый прибор, достал из кармана толстую сигару и наклонился к свече, чтобы прикурить. С наслаждением глубоко затянулся, выпустив вверх кольца дыма. – Я бы вот никогда не взялся печь булочки, потому что рискую всё испортить.

– Самим? Вам ещё повезло, что живыми ушли! Вот что вы, господа, станете делать... – прохрипел Таббар своим осиплым жутким голосом, – что станете делать, когда чудовище выскочит из чаши, словно из мрачных глубин ада и набросится на вас, а?

– Что мы будем делать? – испуганно облизал губы золотоволосый лордэшныш.

– Эй, хозяин, – вскинулся Кассли, – вели подать ещё вина!

– А у меня как раз и был такой случай, – с многозначительным видом начал Таббар. – Чудовище выскочило из чаши и набросилось на моего коня. Оно оторвало ему задние ноги одним ударом...

У Мел сделалось такое выражение лица, словно ей туда лимон без шкурки засунули.

Кассли опрокинул свой стакан залпом.

– В Бездну коня! – пробасил Оукмар.

– В бездну! – согласились остальные охотники.

Линуар перестала терзать клавиши. Воцарилась благо-словенная тишина. Мужчины разразились благодарствен-но-восторженной речью. На этом вечер, хвала Двудликим, и закончился.

Мы с Мел легли в постель.

А вот мужчины спать не торопились, они всё о чём-то бол-тали и болтали, бубнили и бубнили. Где силы брали? У меня глаза слипались прямо на ходу.

Вообще байки о том, что мужчины, якобы, молчаливее женщин, это миф. Мужчиною же созданный. Себе в оправ-дание, надо полагать. Да ни одна баба не способна так тре-пать языком, как глупое мужичьё. А уж сплетники они и во-все жуткие. Пошлые в придачу.

– Нет, ты видел? Видел, как на меня хозяйская дочка-то тарасилась?

– Не лъсти себе. Она с меня весь вечер глаз не сводила.

– А классные у неё буфера. Клёвые сиськи!

– Ага. И зад такой аккуратненький. Как раз по моему вку-су.

Я сжала зубы и отвернулась к стенке. Ну не люблю я, когда о девушках так. Наши сиськи и задница не наша заслуга и не

наша вина. Они даны нам от природы и такие, какие есть.

– В этом замке я не чувствую себя спокойно, – перебил пустой трёп Кассли.

– Ну, по крайней мере здесь приятней, чем под проливным дождем, – широко зевнул Джейман, потягиваясь. – А дочка лорда – сладкая курочка.

Опять он за своё, гусь лапчатый!

– Жаловаться грех, – поддакнул Делрой. – Мы сытно отужинали, нас ждут сухие постели. Случались в нашей жизни ночки и похуже этой.

– Мне тоже хозяин не внушает доверия, – покачал головой Ланджой. – Если хочешь выжить, необходимо самому заботиться о собственной безопасности. Поэтому ложитесь в одежду и оружие держите наготове.

– Да ладно! – разочарованно протянул Джейман. – Не думаете же вы, что наш лорд сегодняшней ночью решит изобразить собой волкодлака?

– Погляди сам, – заговорил немногословный Кентар, – на двери ни замка, ни засова. Не запереться.

– Придётся по очереди сторожить за дверью, – подвёл черту под разговором Ланджой, – Думаю, что, скорее всего, наши хлопоты впустую, но осторожность – прежде всего. Дежурить будем по очереди. Все, – Ланджой скользнул по нам с Мел, – кроме женщин.

Я с облегчением натянула одеяло на голову. Конечно, все мы тут только наёмники, но как приятно иногда воспользо-

ваться маленькими привилегиями.

Ночь прошла спокойно. А вот позавтракать спокойно не удалось.

– Зверь! Зверь напал! Снова! – влетел в столовую человек с перекошенным от ужаса лицом. – Тварь из бездны убила всех!

Ланджой поднял голову и посмотрел на ворвавшуюся в зал толпу людей. Казалось, ещё немного, и они перешагнут тонкую грань вменяемости.

– Волкодлаки напали снова!!!

– Быть не может, – решительно заявила Мел. – До полного полнолуния ещё неделя.

– К Слепому Ткачу ваше полнолуние! Слышишь, баба?! К Ткачу! Деревня усеяна трупами! Этому чудовищу нет дела до науки. Оно жрёт людей почти каждую ночь!

Ланджой медленно поднялся из-за стола и, громко стуча каблуками по каменным плитам, медленно подошёл к человеку, положил ему руки на плечи и заглянул в глаза:

– Мы здесь затем, парень, чтобы помочь. И мы поможем. Так что успокойся и перестать орать, как истеричная баба. Пошлите, ребята, глянем, что за хрень здесь творится, – кинул он нам небрежно, даже не оборачиваясь.

Действительность превзошла все ожидания. Человек пять лежали на одной улице, между телегами, лошадиными лепёшками и повседневной утварью. Причём, если сами туловища оказались ещё в относительной целостности, то конеч-

ности раскидало повсюду. Всю мостовую залило кровью.

Увидев, как туча мух выползла из приоткрытого рта мертвеца, я не смогла сдержаться. Согнувшись в три погибели, избавилась от всего, что осталось от вчерашнего ужина. После чего приняла решение больше не рассматривать жертвы. Помочь им мой осмотр не сможет, а мне неприятно.

– Волкодлак и вдруг охотится не в полнолуние? – плюнул себе под ноги Таббар, закончив осмотр.

– Это не волкодлаки, – покачала головой Мел, – кто-то другой.

– В любом случае повозиться придётся, – резанул товарищей острым взглядом Джелрой. – А пока избавьтесь от трупов, пока луна не заставила подняться их самих. Выжившие после этого нападения есть?

– Нет. А если бы были?..

– Их пришлось бы убить.

Крестьяне болезненно дёрнулись.

Крутой мужик! Что ещё скажешь? Интересно, а если бы это его мать, сестру или дочь покусал волкодлак, был бы он столь же категоричен? Про любовницу и жену не спрашиваю – этих убил бы, не колеблясь, сомнений нет.

Воистину, полная добродетель, свято выполняющая свой долг так же ужасна, как и разнузданный, кровавый порок. Крайности сходятся, как половинки, замыкаясь в круг.

– Нужно дать родственникам хотя бы проститься!.. – начал, было, достойный человек, но Кассли его перебил.

– С чем? С чем ты предлагаешь им проститься? Вот с этой рукой? Или вот с этой ногой? Или вон с той вязанкой кишок, растянутых по всему переулку?

У меня возникло стойкое желание убить ублюдка. Я ведь уже почти справилась с тошнотой...

– Во имя милосердия, добрый господин, не препятствуйте нам, – мягко сказал Ланджой. – Пусть для всех, кому были эти люди дороги, они останутся теми, кем были, а не тем, что от них осталось. Кэнтар, Оукмар! Очищайте улицу.

Прислонившись к стене, я наблюдала, как ребята запикивают в мешок человеческие останки, привязывая их к телеге. Оукмар подходил первым и набрасывал на мертвеца дерюгу, скрывая его от глаз. Потом они вдвоём переплетали в саван тело, брали его, точно полено и тащили к тележке.

Если бы на месте этих несчастных, безымянных бедняков оказался бы какой-нибудь именитый лорд, помпы и реверансов было бы значительно больше. Но кому нужны люди из массовки? Взгляд любого зрителя способен уследить лишь за жизнью основных персонажей.

Очень жаль, что тварь не порвала в клочья вчерашнюю фальшивую музыкантшу. Её бы уж точно не свалили грязной грудой. Над ней бы справили пышную тризну.

За деньги не купишь счастье? Бред! За деньги можно купить всё. Хотелось бы верить, что лишь в этом мире, продажном и богомерзком, дела обстоят столь паршиво, а в мире лучшем перед ликом Творца все мы едины. Очень хоте-

лось бы верить. Да вот только не верю я в посмертье. Ни в аду, ни в раю мы не просыпаемся. Все заканчивается там же, где начинается – здесь. И для мертвых уже не имеет никакого значения, чьё имя написано на их могиле, приходят ли к ней кто-нибудь поплакать. Это нужно живым, а мертвым все равно, потому что их больше нет. Ни внизу, ни вверху – нигде.

Джелрой и Оукмар стащили трупы в центр небольшой площади и принялись поливать их маслом.

– Помочь? – подала я голос.

– Держись-ка ты, куколка, подальше, а то как бы тебя позже саму гасить не пришлось.

– Я маг. Моя профилирующая стихия – огонь. Однако если вы предпочитаете повозиться подольше, не стану портить вам удовольствие.

Парни переглянулись. Оукмар кивнул:

– Валяй.

Странное это чувство. Всегда. Каждый раз – странное. Даже не поймешь, приятное или пугающее. Каждый раз, вызывая огонь, я боюсь. Боюсь, что он не отзовется, не послушается, не откликнется. Или наоборот, нахлынет таким мощным потоком, что я не успею его перераспределить, подчинить, направить.

Меня много раз называли Повелительницей огня. Глупцы! Огнем владеть нельзя. Стихии не подчиняются людям. Просто по какой-то неведомой причине они соглашаются

выполнять наши желания. Но я знаю, придёт день и час, когда с меня непременно возьмут плату.

Пламя послушно занялось. Высокое, яркое, оранжевое, оно поднималось с треском, охватывая человеческие останки с таким энтузиазмом, словно это и впрямь были сухие полена.

– Здорово! – с уважением и опасливым восторгом покосился на меня Джелрой.

В деревне атмосфера воцарилась тягостная. Оно и понятно. Почти в каждой семье за истекшие месяцы чудовище утащило чью-то жизнь. Люди были так напуганы, что даже днем не опускали ставен.

На нас, пока мы шли, опасно косились, будто мы и сами были наполовину волкодлаками.

Простонародью никто не берётся разъяснять подлинной сути вещей, а незнание порождает слухи, сплетни и страхи. А жить в страхе и незнании плохо.

На свете есть три разновидности тварей, способных менять личину.

Первые – живые оборотни, или метаморфы. Это существа способны превращаться в зверя. Как правило, все метаморфы отличные маги, и полностью держат под контролем своё перевоплощенное тело. Способны превращаться в любое время суток, независимо от лунных фаз.

Ужас, который люди веками испытывают перед представителями оборотнических кланов, по большей части ничем

не обоснован. Это предрассудки. Хотя, если вспомнить Миарона?.. Он был зверем по сути своей, в человеческой личности не меньше, чем в звериной.

Вторая разновидность оборотней – ликантропы. Самый опасный подвид. Именно он порождает массу тёмных легенд, вызывающих истерию. Большую часть времени ликантропы выглядят как люди, впрочем, и в человеческом своем облике они проявляют кое-какие странности, но, чтобы заметить их, нужно подобраться к ним очень близко. Во время полнолуния сознание покидает их и словно демон овладевает их телом. Без помощи извне эти существа очень опасны, ибо в звериной ипостаси одержимы лишь одной идеей: напасть, схватить, сожрать.

Ликонтрапия передаётся классическим способом, о котором можно услышать в любой легенде: через влажные среды организма – слюну, кровь и сперму. Правда, чтобы заразиться последним способом, нужно очень постараться. Ликантропы заразны только в период полных лун, а в животной форме они не испытывают сексуального влечения к жертве. Их подавляет гастрономический инстинкт. Так что самый распространенный способ распространения ликонтрапии всем с детства известный укусы.

Третья разновидность оборотней, с которыми мы, предположительно имеем дело, это волкодлаки. Вопреки досужим вымыслам, не имеют к ликантропам или метаморфам никакого отношения. Метаморфы не становятся волкодлаками

после смерти, хотя, поди, попробуй, переубеди в этом суеверных крестьян. Внешне волкодлаки напоминают гибрид волка с гиеной, передвигаются на задних конечностях, и при нападении полностью обескровливают тела. Как и любой мертвец, представляющий собой биомассу, не управляемую сознанием, волкодлаки бесстрашны. Да им попросту нечем бояться, мозг у них не функционирует. Ликантропа одолеть сложнее. Пусть и дремлющее, в нем присутствует человеческое сознание. А волкодлак – туп и прожорлив.

Существует гипотеза, что волкодалки – фейри. Во время Ярких Лун эти твари способны проникать к нам их другого мира сначала в виде кошмаров, потом, питаясь страхами, набирают силу и материализуются. Материализовавшись, пьют кровь. При укусе информация передаётся, как вирус, все инфицированные выполняют заданную программу.

Чтобы не говорили охотники, волкодлаки нападают не только в период трех полных лун. На самом деле энергии двух лун с половинкой, или даже с четвертью третьей может оказаться достаточным, чтобы завести эту адскую игрушку из бездны.

Поначалу волкодлаки, как любое порождение мрака, держатся в тени, и нападают только на одиночек. Достаточно выйти за калитку вдвоем, чтобы их отпугнуть. Но как только они набирают силу, начинают действовать вполне как обычные звери. С рассветом эти порождения ночи не прячутся, как наивно полагают не только честные крестьяне, но и гос-

пода охотники, они попросту уходят из нашего мира в свой. Поэтому искать волкодлака днём приблизительно то же самое, что ловить чумахастых мымриков, не удастся никому и ни за что. Нельзя поймать то, чего нет.

Так что пока охотники и крестьяне, вооружившись топорами, вилами, колотушками, лопатами, кнутами, без всякой пользы уставали, шныряя по холмам, лесам и долинам, я преспокойно и с чистой совестью отдыхала в тенёчке.

– Почему ты не пошла с остальными и не ищешь тварь? – полюбопытствовала хозяйка трактира, протирая стойку.

– Не люблю тратить время попусту, – пожалала плечами я. – Я маг, женщина и, в отличие от этих работников ножа и топора, точно знаю, что мы ищем. А главное, где и как это нужно делать.

– Чего ж ты не сказала этого своим друзьям?

– Во-первых, они мне вовсе не друзья – я этих людей третий день как знаю. А во-вторых? Мужчины уверены в себе и в своей силе. Что им советы какой-то пигалицы?

– А ты действительно маг? – с интересом глянула на меня женщина.

Я кивнула.

– Тогда ты, наверное, знаешь, что нужно сделать, чтобы зверь не накинулся и не растерзал?

– Знаю.

Женщина воровато покосилась на дверь и придвинулась ближе ко мне. Мне такой поворот событий был как-то не

очень, но отодвигаться я, на всякий случай, из вежливости, не стала.

– Дай мне какой-нибудь отвар или амулет, – горячо задышала она мне в ухо. – У меня есть деньги, я заплачу.

– У меня нет ни отваров, ни амулетов, – отрезала я.

– Тогда изготовь их! Сжался! У меня пятеро детей...

Я вздохнула.

– У меня нет ни отваров, ни амулетов, да против того, что у вас тут завелось, они и не подействуют. Но могу тебе дать пару совершенно бесплатных советов. Первое – не гаси на ночь свет. Тьма, как известно, боится его. Достаточно любой, даже самой простой лампадки.

– Наш лорд говорит, что свет привлекает зверя.

– Ерунду говорит ваш лорд. Даже обычные звери боятся огня и не приближаются к горящему костру. А уж феири в круг света носа точно не высунут. Конечно, лампадка не панацея, но между домом, где горит свет и домом, где его нет, тварь наверняка выберет темный двор. И ещё, постарайся, чтобы в твоём доме было как можно больше покоя, любви и радости. Волкодлаки идут на запах страхов, похоти, ненависти. Любая негативная эмоция для них, как приманка. Туда, где царит счастье, эта гадость не сунется.

Женщина смотрела на меня с неприязнью.

Отлично! Вот зачем я тут растрепалась-то, а? Чего ожидала? Люди так примитивны. Прямо стадо какое-то. Она хочет, чтобы я выкинула какой-нибудь зачарованный фокус,

вроде щелчка пальцами с сопровождением зубодробильной бессмыслицы на устах, чтобы раз и два – и все дела. А я ей тут втираю сказки о том, что любовь в сердце защитит её дом от монстра. И ведь на самом деле – защитит. С гарантией. Лучше амулета, лучше даже любого оружия.

Представьте себе гобелен. На лицевой стороне рисунок – эта наша жизнь, а на изнаночной – невидимые нити. Весь мир строится из двух потоков: созидательного и разрушительного, светлого и тёмного. Если по законам материальным, положительное притягивает отрицательное, то на изнаночной стороне плюс тянет к себе плюс, а минус следует строго за минусом. То есть, чтобы проще простого: не хотите привлекать к себе бяки, не думайте о ней, не делайте её тут и будет вам счастье.

Просто – если в теории. Но веками недостижимо на практике.

Я покинула таверну. Сказать трактирщице мне было решительно нечего.

Глава 6

За событиями кровавой ночи последовали события не менее кровопролитного дня, с той лишь разницей, что ночью лилась кровь людская, а теперь шла облава на зверей.

Мой план остаться в стороне от всей этой неразберихи приказал долго жить. Лорд Вертэй объявил, что заплатит за поимку зверя полновесным золотом любому, кто сумеет представить неоспоримые доказательства, что чудовище мертво.

Нет то, чтобы я не смогла устоять против звона презренного металла, но уж когда вилланы выходят на тропу войны, профессионалам отсиживаться в стороне как-то неэтично.

Помимо нашей команды профессиональных охотников на нечисть на поиски оборотня выдвинулись крестьяне, солдаты, ремесленники, всё местное дворянство, да и просто заезжие авантюристы и любители приключений. Деревенские улочки опустели, зато в лесу людей оказалось больше, чем листьев на деревьях.

Господский замок стоял в отдалении от поселения. Между ними пролегал отлогий луг, за которым вверх по холму карабкалась сама деревня с блёкло-розовыми крышами домов, а дальше раскидывался лес. Он тянулся во все стороны кудрявым, густым ковром без единой лужайки.

Охота на волков началась сразу же после того, как с дере-

венских улочек убрали трупы. Неистово лаяли собаки, трубили рога загонщиков. Вся разношёрстная масса народа двинулась вперёд, кто пешком, кто верхом на лошади, кто, держа наперевес вилы, кто с мушкетом, кто с топором. Народное ополчение во всей его красе (или без прикрас).

Выследив стаю волков, люди принялись их беспощадно истреблять. Несчастные животные метались в поисках укрытия, выстрел раздавался за выстрелом, охотники неслись стремглав, разгоряченные кровью и скачкой.

Высокие кусты разлетелись, словно занавес перед primой, и на меня вылетел всадник в щегольском, ярком алом наряде. Его ретивый конь взвился на дыбы, едва не сбросив седока.

В молодом человеке я узнала белокурого сыночка нашего работодателя.

– Какого беса вы тут делаете? – неприветливо рявкнул он на меня. – Испугали моего коня!

– Намеревались искупаться в грязной луже? Простите, что помешала.

– Я твердо намерен покончить со зверем! – воинственно заявил мне франт с таким видом, будто я пребывала в горячем намерении немедленно отговорить героя от свершения рокового подвига.

– Зверя здесь нет.

– Так я найду его!

– Благие Боги в помощь.

Задав коню шпоры, блондин стремглав унёсся прочь, разбрызгивая грязь.

– Они нас уже битых два часа по этому лесу туда-сюда гоняют, – ворчливо пожаловался Оукмар, отирая пот с лица.

– Наверное, считают, что так мы лучше отработаем наши деньги, – наморщил нос Таббар.

Выехав на небольшую опушку, мы нашли, что местное общество успело устроить сходку. Отовсюду раздавались крики разочарования, недовольства и раздражения. Покрытые грязью, измученные собаки сбились в кучу и осипло лаяли. Впереди свиты держался сам лорд, подчёркнуто демонстрирующий своё недовольство. За его правым плечом держался темноволосый сын. Чуть в стороне я заметила Ланджоя, в окружении Кассли и Кентара.

– Ну и что? – громогласно грозил небу кулаком представительный хозяин сих земель. – Мы убили целый день. Чего ради?

– Вас предупреждали, – возразил Ланджой, выразительно положив руку на револьвер, заткнутый за пояс. – Ловить зверя сейчас бессмысленно, но вы настаивали...

Из тумана, успевшего окутать окрестности, вынырнуло ещё несколько всадников. С громким гиканьем и воплями они волокли тушу матерого волчища.

– Я поймал его! – гордо выпятив грудь орал огромный, обросший бородой, детина, да так громко, что птицы сорвались с веток на ближайших деревьях.

Человеческое стадо откликнулось триумфальным воем.

– Тихо! – рявкнул лорд. – Тихо! С чего вы взяли, что это наш оборотень?

– Я так сказал! – снова завопил бородатый. – Вот ваш чертов оборотень! Натё! Получите!

К чему так орать? Или у них тут негласное правило: кто громче крикнет, тот и прав?

– Жителям вашей деревни больше нечего бояться! Кизлараха сделал свою работу! Великий охотник Кизлараха убил чудовище!

Это он о себе так скромно?

– Я выволок гадину из глубин Бездны! Смотрите! – Кизлараха покачался на пятках, разбрасывая вокруг победные взгляды. – Ну? И где моя награда? – востребовал он, многозначительно взглянув на лорда.

Святая простота! Сейчас-сейчас, получишь ты свою награду, как же.

Белокурый сын лорда обошел кругом убитого волчару

– А с какой стати нам тебе верить? – поинтересовался он.

– Я убил его! – ударил себе в грудь массивным кулаком Кизлараха.

– То, что убил, мы видим, – подал голос второй лордёнш. – Только, сдаётся мне, убитый тобой волк такой же оборотень, как и я сам.

– Это обыкновенный волк, – сказал Ланджой. – Нашего оборотня здесь нет. И быть не может.

Стоило ему открыть рот, как все стихли, устремляя на нашего капитана настороженные, злые, полные недоверия взгляды.

– Верно говоришь, – поддержали Ланджоя прибывшие с ним охотники. – Тот, за кем мы гонимся, до луны не появится.

– Это не оборотень, – настаивал Ланджой.

– При всём уважении, – встрял один из крестьян, – взгляните: тварь почти вдовое больше нормального волка. Наша деревня не впервые подвергается нападению. Мы знаем, с кем имеет дело...

– При всём уважении, – откликнулся Ланджой, – вы даже не подозреваете, с кем имеете дело. Когда оборотни умирают, они возвращаются в человеческое обличье. А этот? Говорю вам, перед нами самый обычный волк. Так что, – повернулся он в сторону Кизларахи, – платить вам не за что.

Кизлараха было полез в драку, но вперёд шагнули Таббар и Кентар и энтузиазм местного егеря сошёл на нет.

Двумя часами позже мы сидели в кабинете лорда, в компании его темноволосого сыночка, от которого отделаться не удалось и, с развернутой картой на коленях строили планы на вечер.

Молодой Вертэй, водя коротким пальцем в заусенцах по тонкому пергаменту, рассказывал:

– Смотрите, крестом обозначены места нападения. Никаких закономерностей.

Ланджой кивнул, пригубливая стакан с пивом.

– Он действует, как обычное животное. Гольй инстинкт.

– На этом и сыграем, – заметил Ланджой. – Заманим его.

– Как заманим? – моргнул лордёнш.

– На живца. Хочешь стать наживкой?

Парни загоготали, а молодой человек озирался, не зная, в шутку они это или всерьёз.

Никогда не любила лес, ни днём, ни ночью. Неуютно там, неудобно и жутко. А тут ещё и копать заставили. Вручную. Лопатой.

Джейман и Кассли, решив порисоваться и произвести впечатления уже и на без того впечатленного лордика, стали швыряться сирюкэнами. Парочка железяк пролетела совсем рядом с головой бедняги.

– О! – поднял ухоженные брови Кассли. – Простите, маэстро...

Лордёнш ничего не ответил. Лишь сверкнул глазами, вынужденный проглотить обиду.

Ямку-могилку, как только выкопали, стали веточками закладывать. Сплели из отесанных кольев нечто вроде частокола и поставили его на дно ловушки. Вокруг наши мальчишки тоже хорошенький огород нагородили. Тараны, падающие на веревках с деревьев, натягивали в течение нескольких часов.

– Тяни! Толкай! Тяни! Отпускай!

Они мне теперь по ночам лет пять сниться будут, эти надоедливые мужские выкрики:

– Тяни! Толкай! Ещё немного! Отпускай!

Обернувшись, я заметила, как Кассли пристраивал у себя на поясе серебряный меч. И не поверила своим глазам. То, что в устрашающую силу этого оружия верят суеверные крестьяне, понятно. Но профессионалы?.. Серебро с гарантией способно уничтожить болезненные миазмы, но против зубастой твари твёрдый металл куда более верное средство. Серебро тверже золота, сверкает красиво, но клинок из него хрупкий, а сломанное во время поединка лезвие – это верная гибель.

К тому моменту, как окончательно стемнело, ребята оплели ключей проволокой чуть ли не половину леса.

Кстати о лесе? Если он и молчит когда-нибудь, то это точно не ночью. В ночи он обретает новый голос, таинственный, тревожный.

Каждый лист шептал о чем-то, насмешливо, не по-доброму.

Суэта прекратилась. Все, взведя курки, притаились за стволами в напряженном ожидании. Нервозность оказалась заразной. Я чувствовала себя, как натянутая струна. Опасность могла прийти в любой момент, с любой стороны. Некстати перед глазами замельтешили утренние трупы...

Да, теоретически я была подкована неплохо. Силу применять научилась не в пример лучше, чем раньше. У меня перед остальными охотниками была фора – магический бонус. И все же я нервничала, презирая себя за собственный страх.

«Так-то, дорогуша, – сказала я себе. – Это тебе не глупым людям в ночи кровь портить. Крутизна убавляется на глазах?»».

Шуршала прошлогодняя высохшая листва, гонимая ветром. Где-то далеко каркнула ворона, заставляя нервно вздрогнуть. Показалось? Или действительно кто-то рычит, пока ещё приглушённо, словно предупреждая?

Справа зашевелился Таббар, вытаскивая из сапога нож.

Это ощущалось, как приближение грозы. Чем бы там оно ни было, оно приближалось, я чувствовала это. Птицы стихли. Даже ветер, казалось, перестал дуть.

Звук не был не похож ни на какой другой. Рычание, безусловно, звериное. Но было в нём что-то ещё, запредельно злобное, потустороннее.

Защёлкали затворы. Воздух пропитался страхом и охотничьим возбужденным азартом.

А потом появился волкодлак. В лунном сплетении лучей он был виден ясно, как на ладони. На волка эта тварь не то, что мало – вообще не походила. Здоровенный, метра два в холке, и это только на четвереньках, зверь. Если эта тварь вскинется на задние лапы, она станет похожей на боевую башню.

Непобедимую боевую башню.

Впервые доводилось видеть существо, у которого задние конечности длиннее передних. Оно двигалась, задрав круп вверх и прижимая голову к земле, из-за чего создавалось

впечатление, что оно ползёт.

У волкодлака была короткая, как у летучей мыши, морда с приплюснутым носом и выдвинутыми вперёд, острыми клыками. Бивни гадине и не к чему. Жертву она не рвет на части, а аккуратно обескровливает. Глаза, как у рептилии, с вытянутыми змеиными зрачками.

Одним прыжком волкодлак перелетел расстояние, отделяющего его от нас.

Часто-часто застрочил пулемёт, поднимая пыль на дорожке. Снаряды сбивали ветки, оставляли сколы на вековых деревьях, но зверь успевал увертываться.

Оглушительное рычание на мгновение стихло. Огромная серая тень упала прямо на нас с Таббаром.

Смерть приближалась поначалу стремительно, потом начала замедляться, и наконец, замерла.

Звуки исчезли. Я существовала в мире абсолютной тишины, в мире полной безопасности, где всё зависело лишь от моей воли.

Лунный свет отражался в круглых, выпуклых, как линзы, глазах потусторонней твари.

Я сделала несколько шагов под тушей и со спины воткнула руку в тело чудовища, и уже там, внутри, пустила с пальцев огненный пульсар.

Волкодлака с треском разорвало, обдав всех нас кровавыми ошметками.

– Ткач и вся его тухлая паутина! – пророкотал Кентар.

А кто бы с ним поспорил? Противно это, когда ты с ног до головы в крови и в слизи.

– Ух, ты! – фыркнул Джейман, нервно пытаюсь стряхнуть с себя нечто, до тошноты напоминающее разодранные кишки.

– И дел на три оглядки! – жутко сверкнули с окровавленного лица зубы Таббара.

От волкодлака осталось мокрое место. Пурпурная кучка окровавленных костей, влажных ошметок и изгаженный клочок шерсти. Где была морда, где лапы – уже не разобрать.

Джелрой не спеша приблизился к монструозным останкам, по привычке заложив большие пальцы рук за толстый кожаный ремень. С задумчивым видом он поглядел на дело рук моих, потом, не менее задумчивым взглядом, смерил меня саму:

– Быстро сработано.

– Но не сказать, чтобы чисто, – во взгляде, которым наградил меня Кассли, не было ничего одобрительного.

– Надеюсь, в честь нашей победы, твой папаша расщедрится на ванну? – толкнул Оукмар плечом юного Вертэя.

– Я бы на это не слишком рассчитывала, – сокрушенно вздохнула Мэл.

– А тогда мы прям так по его великолепному паркеты и покатаемся! – заржал Оукмар. – Загадим всё, что сможем.

Мужчинам шутка, судя по громоподобному хохоту, понравилась.

Лошади от нас норовили шарahnуться. Ну, мы и сами се-

бе в таком виде нравились не слишком. Впрочем, все пребывали в хорошем расположении духа. Дело сделано, чисто, быстро и без потерь.

– Впервые со мной такое! – гудел, как набат, Таббар, – Я и боевого топора достать не успел, а эта пигалица его уже в фарш превратила.

–Эй, Мэл? – позвал Кентар.

– Чего тебе? – хмуро откликнулась воительница.

– Не знаешь, волкодлаков можно есть?

– Вот ещё! – фыркнула воительница. – Стану я голову такой чепухой забивать?

– Да не знает она, не знает! – скалился Джелрой. – Наша Мэл вообще понятия о том, как и что готовят, не имеет. Она же жратву только в тарелке-то и видит.

– Что за баба! – покачал головой Кентар, и было совершенно непонятно, то ли его огорчало подобное положение дел, то ли, напротив, искренне восхищало.

– А знаешь, о чем думаю? – откликнулась Мэл. – Час, то ли слишком ранний, то ли слишком поздний?

– Всё одно, – буркнул Таббар.

– В замок-то нас пустят?

– Не беспокойтесь, – заверил наш лордёныш. – Пустят обязательно.

К моменту, когда мы добрались до замка, кровь чудовища успела запечься, и мы все выглядели так, будто всех сначала освежевали, а потом, уже освежёванных, немножко поскоб-

лили. Себя я, конечно, не видела, но вряд ли мне повезло сильно отличиться от остальных.

Двери замка перед нами действительно распахнулись, но приветливостью там и не пахло. Наверное, сложно испытывать теплые чувства к людям, выглядевшим, как головорезы.

Хозяйка смотрела на нас, брезгливо поджимая губы.

– От волкодлака мы вас избавили, – с ходу заявил Ланджой. – Теперь рассчитываем на то, что вы избавите нас от последствий, – он обвёл рукой нашу компанию, чей вид красноречиво говорил сам за себя.

– В людской все уже спят, – воинственно задрала узкий подбородок миледи.

– Так пусть проснуться, – оскалил зубы Кассли. – Или вы предпочитаете, чтобы мы утёрлись вашими простынями?

– Эко загнул! – фыркнул в сторону Оукмар, – станут они на простыни тратиться. Или забыл, нам на соломе спать приказано.

– Это не обсуждается, – подала я голос.

Я мужественно переносила тяжести пути, постоянное громогласное мужское общество, я спала на соломе трясясь от холода. Но ложиться в этих окровавленных тряпках?! Ни за что!

– Вы немедленно истопите мужчинам баню, а для меня и Мэл приготовите горячую ванну, – не терпящим возражения тоном заявила я.

– Да ты кто такая, чтобы приказывать мне в моём соб-

ственном доме? – как змеюка, зашипела высокородная дама.

– Если будешь себя вести хорошо, тебе посчастливится этого никогда не узнать, – пообещала я. – Благоразумия ради, не злите нас. Эти люди, – я сделала неопределённый знак рукой в сторону товарищей по несчастью, – живут, сражаясь с самой Бездной. Вы действительно хотите узнать на собственных шкурах, какого приходится нечисти?

– Ты смеешь мне угрожать?! – глаза лорда так налились кровью, что я поняла – ещё немного и моего вмешательства не потребует. Его прискорбная кончина приключится естественным путём. – Пигалица!

– Смею. Я храбрая пигалица.

– Отец! – потянул лорда за рукав темноволосый сын. – Отец, не стоит перечить этой маэрэ. Именно она расправилась с нашим зверем. Одни ударом!

Лорд одарил меня недоверчивым взглядом.

– Хватит уже болтать! – вышел из терпения Кассли. – Хотим баню!

Перечить нам больше не стали. В конце концов, понимали, что наши требования законны и естественны.

Я вновь проявила склочность характера, затребовав себе отдельную от Мэл ванну. Представить себе не могу, чтобы делить воду с кем-то ещё. Увольте! Я девушка брезгливая. И вообще, искательницей приключений просто прикидываюсь, а так я, вообще-то, почти принцесса. Правда, вышедшая из помойки, но сути дело-то это не меняет. У меня жених –

король Фиара. Я имею законное право претендовать на отдельную лохань воды.

Местная ванна не обладала способностью удовлетворить мой взыскательный вкус. Деревянное корыто, наполненное остывающей водой, помутневшей почти сразу же, как я в неё окунулась.

Как только люди в этой глуши живут без нормальных благ цивилизации?

После наших угроз лорд расщедрился. Нас отвели на ночевку в комнату, где для женщины стояли, пусть узкие, пусть деревянные, но кровати, покрытые одеялами из медвежьих шкур. Мужчинам достался волчий мех. В комнате даже был камин, от которого тянуло теплом.

Словом, выпалась я замечательно. Мне снилось, что Чепррэ нашли меня и наградили чем-то за свершённые подвиги приятным-приятным. Правда, проснувшись, я никак не могла вспомнить – чем.

Утром, как обычно, и охотники, и господа собрались в Большом Зале. Слуги привычно вносили блюда, расставляя их на столы. В обоих концах огромного зала уже пылали камины, в них жарко полыхало пламя. Несмотря на то, что был день, хоть и пасмурный, в подвешенной на тяжелых цепях люстре горели свечи. Зал был наполнен светом, суетой и запахом стряпни, но при этом атмосфера была гнетущей.

После трапезы перешли к животрепещущей процедуре расчёта.

Лорд выглядел мрачным:

– Где гарантия, что вы вчера убили именно ту тварь?

Ланджой сохранял терпение:

– Вы не доверяете собственному сыну, маэр Вертэй?

– Мой сын не заметил, чтобы убитая тварь снова обернулась человеком.

– Вообще-то, там и обращаться-то было нечему, – поковырялся кончиком ножа в жёлтых зубах Кентар. – После того, как наша ведьмочка с ним поговорила...

– Все равно! – стоял на своём лорд. – Никаких намеков на человеческие конечности или внутренности! Хоть что-то же должно было...

– Мы имели дело с волкодлаком, – вздохнула Мэл.

– И что?

– Это оборотни обращаются после смерти, а волкодлаки остаются, как были.

– Но вчера вы говорили совершенно другое! – на этот раз почти резонно возмутился лорд.

– Вчера мы должны были убедить кучу людей в том, что они убили просто волка. Ваш сын вчера был с нами...

– Это не доказательство! – стоял на своём лорд.

– Вы вообще собираетесь нам платить? – скучным голосом поинтересовался Джелрой. – Сами же знаете, что свою работу мы сделали.

– А если хоть один житель вашей деревни погибнет от когтей твари, мы вернёмся. Бесплатно, – прорычал Таббар.

– Никто не погибнет. Волколдлак мёртв. Будьте любезны оплатить наши услуги по прейскуранту.

– Мне нужно время, – тряхнул лысой головой знатный упрямец. – Я должен убедиться. . .

Я и глазом не успела моргнуть, как острие лезвия клинка Ланджоя оказалось под трясущимся от ярости, бессилия и страха, гладко выбритым лордовским подбородком.

– Времени у вас нет, – бархатным баритоном проворковал наш капитан. – Извольте заплатить. Или мы вынуждены будем применить силу.

Спустя час мы покидали негостеприимный замок, нам в спину неслись проклятия вместо благодарности.

Но деньги свои мы отработали честно. И честно их забрали.

Глава 7

С уверенностью, граничащей с идиотизмом, я предполагала, что для получения нового задания наш маленький отряд зайдёт в какой-нибудь населённый пункт. Но ошиблась. Мы получили письмо, присланное с почтовым вороном. О существовании почтовых голубей все, конечно же, в курсе, а вот то, что воронов можно использовать подобным образом, я узнала впервые. Впрочем, Слепой Ткач с ними, со всеми, – с воронами и с голубями, – не о них сейчас речь. Речь о том, что с момента, когда удалось в последний раз покормить демона, живущего во мне, прошёл почти месяц. Предельный допустимый срок голодовки близился к концу.

Не существует в мире абсолютной силы, за исключением божественной. У любого плюса в паре обязательно стоит минус. Так, например, мой демон делал меня сильнее и могущественнее большинства существ, живущих в Мире Трёх Лун, но я, в свою очередь, зависела от него сильнее, чем наркоман от дозы, ибо самый жалкий наркоман имеет иллюзию выбора – сдохнуть ему во время ломки или найти в себе силы пережить её.

У меня такой возможности не было. Какое-то время демон будет молчаливо ждать, потом начнёт требовать крови и боли. Если я не проявлю благоразумия, тёмная половина разрушит мою личность, поглотив рассудок без остатка. То-

гда я стану универсальной, неконтролируемой машиной для убийств. Вот такая миленькая картинка.

Поначалу жажда давала себя знать лишь плохим настроением да навязчивыми головными болями. Но с каждым днём, с каждым часом моё состояние ухудшалось. Я, то тряслась в ознобе, то страдала от жара. Мои кости крутило, как бывает при злой лихоманке.

Я понимала, что откладывать дальше нельзя, что нужно что-то делать, как-то решать проблему, но я... я давно не убивала. С тех пор, как осознала свою демоническую природу. Да в убийствах и особой нужды-то не было. В большом городе всегда достаточно жертв, отягощенных галлюциногенами до такой степени, что утром любое нападение представлялось им не больше, чем кошмарам. Двух-трёх человек за ночь мне на месяц вполне хватало, с учетом того, что Эллоиссент добровольно соглашался служить «перекусом».

Стоит мне сейчас начать кормиться, я уже не остановлюсь – слишком голодна. Но даже если бы я удержалась от убийства, моей потенциальной жертвой сейчас мог стать только один из охотников, а эти люди нападение нечисти с кошмаром никогда перепутают. Мои товарищи обернутся против меня, и тогда вместо одного человека я должна буду уничтожить целый отряд. Не факт, что подобное мне под силу, охотники ведь далеко не мальчики из церковного хора. А самое главное, я не хотела никому причинять вреда. Но если я немедленно не пополню запасы тёмной энергии, это для

всех нас обернётся катастрофой. Как говорится: что в лоб, что по лбу, или – хрен редьки не слаще. И как всё исправить – ума не приложу.

Весна в этом году выдалась дождливая. Новый день не отличался от вереницы остальных – такой же серый и промозглый. Восточный ветер нёс с собой тяжёлые тучи. Не те, что налетают грозвым порывом, порождающим молниеносную бурю с последующим очищением, нет. Эти тучи, казалось, способны были висеть над головой сутками, да что сутками, – целыми неделями, лишь изредка разрешаясь скучным, по-осеннему затяжным, дождём.

Департамент дал указания двигаться на север, в болотный край, в бездонную липкую топь. Мы продвигались вперёд по заброшенной дороге, такой древней, что казалось, прошли века с тех самых пор, когда люди в последний раз о ней позаботились. Когда-то широкая и надёжная, теперь она представляла собой узкую затвердевшую тропу, во многих местах залитую водой. Местами тропа эта была почти сносной, но большую её часть мы продвигались вперёд пешком, ведя лошадей в поводу. Поднимался сероватый туман. Тучи насекомых, звеня, плясали в воздухе. Лошади то и дело беспокойно, жалобно ржали.

Я не могла не насмеяться сама над собой. Ну кто бы узнал в зачуханной заморашке высокомерную, стервозную красотку Одиффэ Чеаррэ? Как ни странно, при всём при этом, о сделанном выборе я нисколько не жалела, кочевая жизнь

всегда была мне по сердцу.

Когда прямо под носом моей каурки вынырнула водяная крыса, бедное животное пришло в состояние неконтролируемой паники, мне с трудом удалось сдержать её. Несчастливая лошадка не привыкла блуждать по трясине. Так что, когда впереди показался небольшой, густо заросший лозняком, островок, все мы дружно благословили Благих Богов, благодарные за возможность ощутить под ногами твердую почву и передохнуть.

На короткое мгновение над болотом воссияло солнце.

Стоя посреди бесконечной, блестящей в золоте солнечных лучей, трясине, я задыхалась от снедающего тела и душу жара. Мне хотелось с разбегу рухнуть в ледяную жижу, утопиться, забыться, охладиться... или уже разорвать кого-нибудь на части, и покончить как с физическими, так и с нравственными страданиями.

– Что будем делать? – пробасил Таббар. – Разобьём лагерь?

– Согласно карте, стоит пройти ещё немного, выйдем на довольно сносную гать, – заметил Кассли.

– Выйти-то выйдем, да оно нам надо? – прорычал Кентар. – Мы ж не выбраться отсюда поскорее хотим... хотя, конечно, хотим! Но прежде нам ещё нужно с тутошной нежитью разобраться.

Кассли сжал челюсть, словно удерживая рвущиеся с языка нелюбезные слова.

– Не гать искать нужно, – гнул свою линию Таббар, – а окапываться. Пусть ночь пока ещё и далеко, она всё равно придёт. А для лагеря лучше этого клочка суши нам не сыскать. Разве, что блокгауз какой? Да где ж в болоте его отыщешь?

– Остановимся здесь, – отрезал Ланджой.

Солнце, на миг блеснувшее в просвет между тучами, погасло и вновь зазмеился туман.

Молоточки, стучащие в моей голове, учащали дробь. Перед глазами плавали красные круги. Я села прямо на землю, прислонившись к узловатому, изуродованному стволу дерева. В сознании удавалось удерживаться лишь силой воли, а сила это скудела с каждым новым вздохом. Нужно было уходить. Срочно. Так я хотя бы дам шанс моим спутникам, не подозревающим, с каким монстром идут в одной упряжке.

– Куда это ты собралась? – зыркнул на меня Кентар. – Лучше сядь. Не хватало тебя ещё в этой Бездне разыскивать. Не слышишь, что ли? Я кому сказал?!

– Мне в кустики нужно, – прошипела я. – Или прикажешь нужду при тебе справлять?

– По мне, так и справляла бы. Вон Мэл у нас не такая стеснительная.

– Я не Мел.

Небольшой островок твердой земли, на котором мы остановились, окружали почти непроходимые заросли ивняка, ольшаника и других кустарников. Стоило их миновать, как

взгляду открылось бескрайнее болото. То здесь, то там, на поверхности мха проглядывали неизвестные мне алые ягоды, походившие на капли крови. Кое-где виднелись белые цветы, очень хрупкие и на коротеньких стебельках. В свете дня топь выглядела не более жуткой, чем обыкновенный лес. На сучке завела руладу тонкоголосая птичка, с вызовом глянув на меня с ветки. Глупая! Ей-то кажется, что она в безопасности там, на своей воздушно-древесной полке.

Жизнь есть не более, чем букет иллюзий. Может быть, смерть избавляет нас от этого ложного видения мира, и мы узрим, наконец, истину? Остаётся надеяться, что случится это не завтра. Умирать не хотелось, даже из благих целей. Я люблю жизнь. Всегда любила. При одной только мысли, что новый вздох может стать последним, воздух перестал казаться затхлым, а земля словно засветилась изнутри.

Потянуло сырой мглой. Пахло болотной сыростью, запахом полусгнившей травы. С жужжанием из-под ног поднимались тучи насекомых. Полужидкая земля зловеще хлопала под ногами, а я легкомысленно не тревожилась из-за того, что тропинка сделалась похожей на гамак, подвешенный над бездной. Стоило ноге опуститься в грязь, в след тут же набегала вода. Жижа хлопала, раскачивались пласты мха.

Это случилось почти неожиданно. Почва в очередной раз колыхнулась под ногой, и я почувствовала, как увязаю в тине по колено. Интуитивно перенеся тяжесть на другую ногу я, вместо того, чтобы выбраться, увязла ещё сильнее. Сгоряча,

точно раненная, – пропадать, так уж пропадать, – рванулась вперёд. Ещё и ещё! Но в результате провалилась в трясины уже по пояс.

Стараясь не паниковать, я заставила себя лечь, распластавшись на мху. От холода я мелко дрожала. Ноги оледенели, вскоре я вообще перестала их чувствовать.

Когда я заставила себя поднять голову, то увидела Её. Высокую женщину в чёрном с ног до головы. Она стояла в нескольких шагах. Пышные юбки колыхались перед глазами, а вот лица разглядеть не удавалось.

Мне не понравилось ни появление этой особы, ни исходящие от неё флюиды. Это явно была не крестьянка, сбившаяся с тропинки. Я отчетливо осознавала, что из человеческого в этой особе только оболочка – передо мной стояла ночная тварь из Фейра, нечисть из пограничного мира.

– Помоги мне, – на всякий случай попросила я.

– Ты не найдёшь помощи, – ожидаемо прошелестело в ответ, – ты найдёшь свою *смерть*!!!

Над головой что-то просвистело. Раздался звук удара, потом – утробное урчание. Я почувствовала, как на моей кисти смыкается нечто теплое.

Рывок! – и вот уже я стою перед криво ухмыляющимся Кентаром:

– Ну что? Пописала?

– Ещё как!

Охотники вовремя пришли на помощь.

Гадина оказалась сильной. Она, ловко увёртываясь от выстрелов, побежала, мелькая между деревьями. Охотники рванулись вдогонку, но далеко ли убежишь по болоту? Передвигалось чудовище быстро. Периодически оно ещё и пульсарами в нас кидалась.

Боевые пульсары – привилегия высших магов. И – демонов. Значит, перед нами не феяри.

Вокруг свистело и бухало, визжало и хлюпало. Грохот стоял, как при канонаде.

Добежав до полуповаленного дерева, тварь взлетела по стволу, планируя прыжком преодолеть топь. Её не брали ни огнестрелы, ни стрелы арбалетов. Огненное лассо сорвалось с моей ладони и, обернувшись вокруг шеи, сорвало беглянку с верхушки дерева, бросив под ноги охотникам.

Клинки последних уперлись в обожженную огнём шею нечисти. Та, распластавшись, рычала, скребя по мху длинными когтистыми лапами.

Во тьме эти создания, которых одни маги классифицируют как фейров, другие, как низших демонов, выглядят жутко, но ночное сияние лун придаёт им эдакую величественность. А вот обыденный серый свет срывает таинственную шелуху, открывая взгляду лишь то, что есть на самом деле – крайнюю степень уродства. Длинный вытянутый подбородок, покрытый гноящимися струпьями, почти лежал на груди, ввалившиеся щеки словно втянула внутрь невиданная сила, а посиневшие старческие губы обнажали выпирающие

вперёд кошачьи клыки.

– Тьфу! Нечистая сила! – отшатнулся Таббар.

Даже привыкшие ко всему охотники избегали глядеть на доставшуюся добычу.

Кассли, не премудрствуя лукаво, собрался по быстренькому добычу прикончить. Я едва успела удержать его:

– Не стоит.

– Почему?

Тварь заворочалась, словно уж на сковородке, полыхая на нас алыми глазищами и гнусно захихикала:

– Ты ведь не позволишь им убить меня? – обратилась она ко мне. – Не позволишь, я знаю. Жалкие людишки понятия не имеют...

– Закрой пасть, целее будешь – велела я.

– Ты не можешь меня убить, – замотала головой уродина. – Не можешь! Не можешь! Не можешь!

Кассли явно с большим трудом удерживался от искушения вогнать клинок по самую рукоять в морщинистую шею.

– Следует найти ведьмака или ведьму, который призвал её. – обратилась я к Ланджою. – Нравится вам это ребята, или нет, но без неё в этом деле никак. Ты отведёшь нас к тому, на чей зов явилась, – я не просила, а отдавала нежити приказания.

– Не отведу, – застрочила она часто-часто, давясь собственными словами. – Нет. Нет. Не отведу. Нет-нет-нет-нет-нет и нет...

– Заткнись! – прикрикнула я.

Как ни странно, тварь послушалась.

– Что скажешь, Ланджой? – насупился Кассли. – Заставишь нас слушаться эту пигалицу?

– В её словах есть крупица разума, – вступилась за меня Мэл. – Мне кажется, Одиффэ права, следует искать кого-то ещё...

– Осторожней, – предупредила я Ланджоя, заметив, что он опасно низко склонился над нашей тварью.

– У меня нет хозяев, человечиска! – зашипела тварь. – И вам не меня следует убить, а её, – черный коготь был нацелен в мою сторону. – Ты понятия не имеешь, с кем связался, жалкий человек!

– И с кем же я связался? – невозмутимо спросил Ланджой.

– Не скажу! Не скажу! Не скажу! – дико захохотала та в ответ.

– Отведёшь нас к заклинателю – дам тебе возможность беспрепятственно уйти за Грань, – сказала я. – Не отведёшь, привяжу к этому месту. Поняла?

– Обещаешь? – в алых глазах плескалась почти человеческая надежда.

– Обещаю, – ответила я.

– Спятила? – Джелрой посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Никто не станет работать за просто так, – пожала плеча-

ми я, – а гонорар у каждого свой.

– Хочешь дать *вот этому* беспрепятственно уйти?!

– Я отправлю её в Фейр. От этого все только выиграют.

Тварь продолжала пялиться на меня своими алыми зрачками, плавающими в маслянистой темноте глаз:

– Не обманешь? – проскрипела она.

– Такие, как я, лгут редко. Но если попытаешься обмануть ты – убью.

– Я бессмертна, – в голосе монстра не было уверенности.

– Вот и проверим.

Я кивнула Кентару и Оукмару, делая им знак отвести клинки от шеи пойманного чудовища.

Командир кивком подтвердил моё решение.

– Уверена, что успеешь прикончить её до того, как она прикончит кого-нибудь из нас? – недоверчиво фыркнул Кассли.

– Рискованно это, – поцокала языком Мэл.

– Свяжите её, – распорядился Ланджой.

Джелрой стал связывать кисти чудовищу. Охотники держали оружие наготове. Все изрядно нервничали. С изъязвленного лица доставшейся нам пленницы безумно выпученными глазами глядело само зло – безрассудная, слепая разрушительная сила.

– Заткнись! – ткнул гадине в спину рукояткой кинжала Таббар.

Чудовище продолжало гнусно хихикать.

– Сказал – заткнись!

– А ты попробуй, заставь меня замолчать, человечиска? Заставь! Заставь! Заставь замолчать! Заставь...

Я ударила тварь коленом куда-то под дых, в район солнечного сплетения:

– Может мне удастся тебя заткнуть, радость моя?

Сомкнув пальцы на трухлявой, точно пень, шее чудовища, я заглянула в полыхающие бездной глаза:

– Только ещё раз хихикни, прикончу, не моргнув глазом, поняла?

Тварь медленно кивнула, спрятав клыки.

– Джелрой? Аркан!

Обвив шею чудовища верёвкой, я бросила охотнику свободный конец.

– Будешь хорошей девочкой, и всё кончится хорошо, – предупредила я нашего монстра.

Впопыхах мы вернулись на временную стоянку, собрали раскиданные пожитки и сели в седло. Тварь бежала впереди нас, передвигаясь на четвереньках, словно дикий зверь.

– Не нравится мне всё это. Ой, не нравится, – тяжело вздыхал Таббар.

Туман будто вознамерился проглотить наш небольшой отряд, обступив со всех сторон, а вместе с напозвшим туманом всех охватило чувство тревожности, граничившее со страхом. Не оставляло гнетущее ощущение, что невидимое, насмешливое, злобное око терпеливо наблюдает, выжидая мо-

мент для нападения. Зло разлилось повсюду. Дышалось с трудом, со всех сторон слышалось надрывные, сипящие, захлебывающиеся всхлипы. Волосы липли ко лбу. Беспреданное хихиканье безумной проводницы выводило из себя, но все прекрасно понимали – стоит начать истерить одному, ничем хорошим для всех это не закончится. Поэтому держались.

Чувствовалось, что-то назревает.

Таббар и Кентар держались за рукояти боевых топоров, Джейманн, Желрой и Кассли в любой момент готовы были выхватить арбалеты, Мэл и Ланджой взвели курки огнестрелов.

Ну а я? Я была настороже, сама по себе оружие.

– Если что-нибудь случится, – слышался гортанный голос Ланджоя, – всем оставаться на местах. Кто побежит, пристрелю.

– Не побежим! – заверил Оукмар, растягивая толстые губы в широкой улыбке. – Уж будьте спокойны, мастер. В нашем случае бежать страшнее, чем оставаться на месте.

Всё началось с дуновения, очень легкого. Потом почудилось, что насмешливый, едва различимый женский голос зовёт меня по имени:

– Одиффэ!..

Судя по тому, как напряглись охотники, им тоже что-то мерещилось в тумане. Каждому своё.

Послышалось клацанье взводимых затворов.

– Осторожнее! В панике не перестреляйте своих, – предупредила Мэл.

Среди деревьев угадывались очертания женской фигуры с распущенными волосами. В одно мгновение показалось, что это Гиэнсэтэ Пайро-Нэйро, с позеленевшим лицом. В следующую секунду я уже видела мать, вернее, то, что осталось от неё после большого кострища.

Липкий озноб охватил тело, руки сделались словно ватные.

Стрела, сорвавшаяся с арбалета Кассли, понеслась в сторону тени, заставив ту стремительно исчезнуть. Длинные, до этого спокойно свисающие гибкие ветви ивняка в секунду оплели руки и ноги охотника, обернулись вокруг его шеи, сбивая мужчину с ног, и поволокли его по земле.

Надрывно завопили все: неожиданно пленённый Кассли, машущие топорами Таббар с Кентаром, перерубающие ветвистые плети. Но на месте одной лозы появлялось сразу четыре. Со свистом всё новые и новые ветвистые монстры стремительно неслись к охотникам, похожие на огромных плотоядных червей.

В очередной раз приходилось на опыте убеждаться: физической силой магию не одолеть.

Повинуясь мановению моей руки, вокруг друзей образовалось невысокое синее пламя, мгновенно опалившее те из отростков, что успели сжаться роковым кольцом, оплетая жертву. Древесные черви убрались в мгновение ока со стран-

ным, похожим на злобное шипение, свистом.

Охотники, трясаясь от пережитого потрясения, нервно сбрасывали с себя обуглившиеся остатки лозы.

– Что это было, мать твою?.. – рыкнул Оукмар.

Что-то бестелесное продолжало окружать нас со всех сторон, но вселяться в деревья больше не торопилось. Нарвавшись на отпор, оно вновь заняло выжидательную позицию.

Кассли обернулся ко мне, зубы его обнажились в не самом симпатичном оскале:

– Спасибо тебе, пигалица.

– На здоровье, – кивнула я.

– Нужно идти дальше, – прозвучал голос Ланджоя. – Скоро начнёт темнеть.

– Тварь! – позвала я.

Гадина подняла голову и с того места, где у людей находятся лица, на меня глянули пустые глаза с алыми зрачками.

– Куда ты нас ведёшь?

Она в ответ снова захихикала. Тогда я снова ударила её. Хлестко, с размаху, со смачным шлепком отвешивая полную весную оплеуху. Голова страшилища замоталась, как у набитой тряпьем куклы. Схватив за вонючие, похожие на паклю волосы, я заставила гнусь запрокинуть голову:

– Или ты отведёшь нас в безопасное место, где мы сможем спокойно переночевать, или я убью тебя. Не так, как могут убить эти охотники. Убью по-настоящему.

Не желая быть голословной, я пропустила в ладонь ча-

стичку моей Силы, так, самую малость. От волос пленницы, зажатых в моей руке, повалил пар – набравшаяся в них влага мгновенно испарялась.

Глаза твари стали почти по-человечески осмысленными:

– Хозяйка Межи!.. – выдохнула она.

– Не поможет тебе ваша дьяволица! – дернул за верёвку

Оукмар.

По счастью, он не понял истинной подоплеки происходящего.

Тварь зашлась в новом приступе безумного хохота.

– Тихо! – прикрикнула я. – Давай, поднимайся, шевелись.

Время пошло.

Мы снова потопали вперёд, пугаясь, озираясь и напрягаясь.

Спустя час мы вышли к маленькому срубу с треугольной крышей. Покосившаяся веранда походила на раскрытый рот. Засохшие плети виноградника выглядели скрюченными пальцами, протянутыми к нам в голодном отчаянье. Окна в домике были такие маленькие и подслеповатые, что в них могла пролезть не всякая кошка. Высохшие вокруг сруба деревья, видимо, в бытность свою, принадлежали к хвойным – вся площадка вокруг дома была устлана мягкими желтыми иглами.

– Надеюсь, дверь не сломана? – Таббар повертел в висячем замке тонким острием своего остро заточенного ножа.

С неприятным скрипом дверь подалась под его рукой.

– Будь осторожен, – взволнованно попросила Мэл.

Внутри оказалось ожидаемо темно, пыльно, влажно и неуютно – отличное жилище для плесени и мокриц. Очертания предметов в сумраке прорисовывались нечётко, скучными контурами. Вон деревянный стол. По центру стены – шкаф. Колченогие стулья, очаг в углу.

– Что за запах? – сморщил свой чувствительный длинный аристократический нос Кассли.

– А ты ожидал встретить тут благоухания роз? – с медвежьим дружелюбием хлопнул товарища по плечу Кентар.

– Давайте приведёт тут всё в божеский вид, – начал бурную деятельность Джейсман. – Раз нам тут ночь коротать, нужно подготовиться.

– Похоже на логово колдуна, – покачал головой Ланджой.

– Чихать! – легкомысленно взьерошил волосы Джейсман. – Зла не убавится, если ночевать под открытым небом. А тут пусть хоть и иллюзия безопасности – а всё равно греет.

– И если дождь пойдёт, то с крышей завсегда лучше, чем без неё, – поддержал товарища Оукмар.

Мы приступили к уборке. Вычистить все до глянца никто не надеялся, но мы рассчитывали сделать так, чтобы можно было не вздрагивать каждый раз от отвращения, ненароком чего-нибудь коснувшись.

Запахок действительно держался тот ещё, тошнотворный настолько, насколько возможно.

Запах разложения...

Удивительно, но даже если ты никогда прежде не встречался с этим непередаваемым ароматом, при встрече распознаёшь его безошибочно. Ни с чем не спутать это липкое сладкое сногшибательное дерьмо. Если в закрытом помещении разложился труп то, сколько не проветривай, не выбрасывай вещи, не протирай поверхности благовониями, он всё равно держится, будто незаметно встраивается в стены.

Оукмар и Джелрой таскали воду, мы с Мел отдраивали всё, что можно, Таббар приковывал нашего монстрика в деревянной балке металлической цепью. Хихикать гадина не уставала, но всё уже как-то обвыкнув, смирились, и перестали обращать на неприятный звук внимание.

Кентар занялся приготовлением стряпни.

– Я бы уж лучше костёр развела, – искоса глянув в его сторону, шепотом поделилась со мною Мэл. – Неизвестно, каким целям служил этот очаг. Может, на нём человечину готовили?

– Не будь суеверной, – порекомендовала я. – Очаг есть очаг, готовить на нём по любому удобнее, чем на костре.

– А если оттуда черти лазили?

– То на этот раз их ждёт крутой облом, – усмехнулась я. – Сегодня вечером ничего, кроме похлёбки, оттуда не вылезет, это уж точно.

– Эй, ребята! Смотри, что это?

Поспешив на зов Оукмара, все увидели небольшой четырёхугольник на полу с колечком посередине.

Ланджой, обменявшись в Таббаром быстрым взглядом, коротко кивнул, давая великану знак открыть люк.

Джейсман и Кассли взвели курки огнестрелов.

Тварь разразилась очередным приступом безумного хохота.

Со скрипом петли люка поддались, открывая темный провал под нашими ногами. Вверх поднялось густое облако пыли. Послышалось жужжание мух, навязчивое и зловещее. Запах падали усилился.

– Твою мать! – выругался кто-то.

Я зажала нос руками, стараясь дышать ртом.

– Судя по вони, там внизу целый склеп, – деловито констатировал Кентар, первым ступая на лестницу. – Посветите-ка мне.

Я протянула ладонь, выпуская на волю синеватый светящийся шар. Мягко оторвавшись от руки, он, словно шаровая молния, плавно поплыл вперёд, зависая за плечом Кентара так, чтобы освещать дорогу, но не слепить глаза.

– Оукмар и Джелрой, – раздался приказ Ланджоя, – оставайтесь сторожить наверху у люка. Следите, чтобы нас не поймали тут, как в мышеловке.

– Да, капитан.

Световой шар пульсировал, освещая узкий каменный проход, по сторонам которого нависли деревянные полки с инструментами. Самыми обыкновенными, слесарскими, только насквозь проржавевшими. В конце импровизиро-

ванного подземного коридора поджидала просевшая дверь. Ко всеобщему удивлению, открылась она легко, от первого толчка, порадовав зубовным скрежетом насквозь проржавевших дверных петель.

– Будь проклят Ткач с его тухлой паутиной! – взревел Таббар, отворачиваясь.

Все рефлекторно зажали носы и отвернулись прежде, чем могли подробно рассмотреть кучу обнаженных человеческих тел, сваленных так, словно какой-то детёныш-великан, наигравшись, формально подошёл к уборке и побросал свои игрушки в одну неаккуратную кучу вместо того, чтобы разложить всё по коробочкам.

Детально разглядывать этот ужас никому не хотелось.

Не хотелось, но пришлось.

Ланджой подошёл к этой осклизлой органической кучи первым:

– Одиффэ, ты маг. Посмотри... всё ли с ними в порядке?

«Не хочу я на это смотреть!», – заскулила внутри меня маленькая девочка.

Но я давно уже не маленькая девочка, я боевой маг. И осмотреть трупы необходимо хотя бы затем, чтобы увериться – с последним солнечным лучом всё это гнильё не поднимется по нашу душу.

Прижимая носовой платок к лицу, я подошла к Ланджой, стараясь смириться с тем, что меня сейчас, скорее всего, вырвет.

Не вырвало.

Всё оказалось немного лучше, чем я ожидала. Следы тления на трупах имелись, но они мумифицировались, вместо того, чтобы разложиться, что само по себе весьма странно, учитывая повышенную влажность. Никакой расчлененки не наблюдалось, трупы были целые и чистые, лишь под сердцем у всех у них имелось маленькое входное треугольное отверстие, как от удара стилетом.

– Жертвоприношение? – уточнил Ланджой.

– Скорее всего, – согласилась я. – Почти уверена, что оно. Колдун либо вызвал демоническую сущность, либо открывал грань между мирами. Полагаю, второе имеет большую вероятность. Для вызова демона обычно используется долгое, жестокое убийство – демоны питаются болью жертвы. Для открытия портала в Нижний мир достаточно обычной жизненной энергии. Судя по состоянию трупов, смерть была быстрой, почти безболезненной...

– Уверена, что это не зомби? – напряженно спросил Кассли.

– Ничего утверждать нельзя, но на зомби это не похоже, – ответила я.

– Лучше все-таки сжечь это дерьмо болотное, – закричал Таббар.

– Тогда сгорит и хибара наверху. Лучше выставим на ночь дозорного.

– Люк можно дополнительно забаррикадировать, – под-

кинул идейку Джейсман.

– А двери заколотить, – согласился Кассли.

– Займитесь этим, – подвёл итог Ланджой.

Охотников вдохновляла мысль о том, что трупы – это просто трупы. Обычные жертвы, от которых не стоит ждать за подянки.

Эх! Недаром умные люди говорят, что счастье в неведении. Одно только плохо: счастливые таким образом долго не живут.

Я бы предпочла зомби. Предсказуемых в своём классическом поведении. Они, конечно, могут больно укусить, но зато видно, от кого обороняться.

С демонами всё не так. С ними никогда не знаешь, к чему готовиться.

– Ланджой? – подошла я к капитану, улучив минутку.

– Что?

– Не хочу наводить панику, но открытие Нижних Миров дело настолько хреновое, что за него не берутся квалифицированные тёмные маги. Мы имеем дело с последствиями волшбы дилетанта-самоучки. От таких самые большие беды. Хорошо, если этому безызвестному горе-колдуну удалось проделать малюсенькую дырочку, потому что, если ему удалось достичь желаемого, ничего хорошего нам ждать не придется.

– Говори короче. К чему ты клонишь?

– К тому, что многие из нас могут не пережить грядущей

ночи. Демоны не волкодлаки. Без специальной подготовки с ними не сладить.

Капитан охотников сложил руки на груди, смерив меня задумчивым взглядом:

– Это уверенность или опасения?

– Увы, уверенность, капитан. Полная.

Я не сомневалась в том, что хижина представляет собой средоточие зла. Двух часов, проведённых в ней, хватило, чтобы полностью утолить голод, терзающий меня последнее время.

И это было плохо. Очень плохо...

Солнце опустилось низко. Вот-вот оно скроется. Впереди долгая ночь.

Помогите нам, Благие Боги!

Глава 8

Джелрой и Джейман деревянными щитами забивали и без того узкие окна, Таббар с Оукмаром баррикадировали, как могли, люк в прогнивших досках, Кассли, Ланджой и Кентар затачивали клинки и подсыпали порох в огнестрелы. Мы с Мэл, как и положено женщинам, занимались домашним хозяйством – мыли посуду после ужина и расстилали спальные мешки, готовясь к ночёвке.

За водой, хочешь-не хочешь, приходилось идти к колодцу. Не самое это приятное занятие: выходить за порог, когда небо уже утратило краски, и на нём, едва проглядывая через плотный полог туч, загорелась первая из трёх лун, выступая на три четверти.

Тишина продолжала осаждать дом, словно враг, по округе не раздавалось ни звука.

– Тебе не кажется, что охотники решили ловить демона на живца? – усмехнулась я.

Мэл флегматично пожала плечами, и сбросила вниз деревянную бадейку. Вода маслянисто блеснула, с мягким бульканьем проглотив ведро. Со скрипом провернулось колесо, и тонко зазвенела цепь.

С болота, словно гигантский осьминог, тянулся, подбираясь, туман.

– Бросайте ведра и бегите в дом! – встревожено крикнул

Ланджой.

С грохотанием огромный металлический засов вошёл в пазы, запирая дверь за нашими спинами. Почему-то у всех был испуганный, настороженный вид, хотя ничего страшного не происходило.

Ребята заняли заранее распределённые места у окон и дверей, пристроив рядом с собой излюбленное оружие. Ланджой, поставив стул посреди комнаты, уселся на него верхом, и позволил себе впасть в состоянии дремоты. Мэл рядом что-то тихо бубнила, наверное, молилась.

– Как ты думаешь, на что это будет похоже? – шепотом спросил Джелрой у Оукмара.

– Не знаю, – отозвался собеседник.

– Ты когда-нибудь видел демонов? Отличаются они от нежити?

– Раньше не видел, но, думаю, скоро мы это узнаем.

– Тебе тоже страшно или я один такой жалкий трус?

– Да успокойся ты, парень. Всем страшно. Не боятся ведь только дураки.

– А я вот всё думаю: какие смельчаки эти, убогие на вид, колдуны? Они ж добровольно соглашаются иметь дело со всем этим кровавым дерьмом...

– Я тебе так скажу, парень, все эти упыри, на самом деле, не многим отличаются от обыкновенных хищников. Нет такой нежити, которая могла бы укусить без зубов или побегать без ног. Хороший меч против мёртвого так же верно

служит, как и против живого.

Мужик ошибался. Я навскидку могла перечислить с десятков существ, способных бегать без ног и кусать без зубов. Но говорить вслух об этом – впустую тратить драгоценные минуты.

Проснулась я от ощущения, что сердце вот-вот выскочит из груди.

– Что происходит? – шепотом спросила Мэл.

Глаза у неё лихорадочно блестели.

Я не знала, что ответить, потому что ничего не понимала спросонок. Слышалось щелканье затворов, снаружи что-то стучало по стенам, будто старалось процарапать к нам дорогу. Доски-то успели сгнить ещё в предыдущее десятилетие, так что, если *это*, чем бы там *оно* не было, задалось целью нас достать – оно достанет.

Кровь в жилах по-настоящему заледенела, когда раздался вой. В следующую минуту нечто огромное ударило в стену с такой силой, что временное пристанище содрогнулось от крыши до основания, угрожая рассыпаться в пыль. Охотники принялись беспорядочно палить в окна, кто куда, наугад. Потом входную дверь попросту сорвало с петель, окутав нас густым облаком из пыли, древесной трухи и штукатурки.

То, что возникло на пороге, к нормальной фауне принадлежать не могло. Огромное, футов в шесть, существо умудрялось одновременно походить и на ящера, и на льва. Оно

было покрыто толстой, прочной, как кольчуга, чешуёй. Вывернутые, словно у паука, лапы украшали когти.

В четырёх стенах зверушке показалось тесновато, она обиженно затрясла головой и вновь яростно завопила. Град стрел, которым охотники обсыпали её, не причиняли твари ни малейшего вреда. Шкура агрессора была тверже черепахового панциря.

Не успев поразмыслить о целесообразности своих действий, я ударила стеной огня, но даже такая лавина не возымела действия. Тварь продолжала сокрушать всё на своём пути. То, что не поддалось её разрушительной силе, увы, оказалось повержено моим быстро распространяющимся пламенем. Мы едва успели выскочить вон, как хижина обратилась в один большой костёр.

Это нападение было лишь предтечей, оно представляло собой уловку тёмных сил. Любое человеческое строение, даже успевшее заразиться злом, обладает, помимо физических свойств, предохраняющих от дождя, ветра и холода, ещё и возможностью защищать от атаки тёмных. Нечистая сила не может переступить порог дома без приглашения хозяина. Но рукотворных стен больше не было, и перед демонами мы были так же беззащитны, как и перед ветром.

Зло сочилось из земли, опускалось с неба тёмным облаком, похожим на чернильный сгусток. Высохшие деревья, окружившие торфяной остров, походили на восставших мертвецов. Чувствовалось – *она* близко и не желает больше

прятаться.

Я крутанулась на месте, раскинув руки, и нас опоясало высокое кольцо огня. Огненные дорожки взметнули острые, разноцветные языки, устремляясь к небу.

Охотники, словно испуганные дети, жались к друг другу.

Я, словно огромный приёмник, принимала в себя что-то, что во много раз превышало мои собственные силы, возможности и разум. Сила стелилась сине-оранжево-желтым ковром к моим ногам.

Если вы когда-нибудь катались в море на доске, вам знакомо это ощущение, когда ты пытаешься поймать волну, оседлать её и заставить нести себя к берегу. Ни с чем несравнимое удовольствие – это скольжение, почти полёт. Вот нечто похожее и с магией, только ты никогда не имеешь полной уверенности в том, что вместо того, чтобы подчиниться и понести тебя в нужном направлении, волшебство не захлестнёт, не разорвёт, не уничтожит тебя самого. Колдовство есть не что иное, как незримый поединок воли мага с сырой энергией неистовых стихий. Кажущаяся легкость магических побед иллюзорна.

Не знаю, сумели бы мы увидеть бесов в обычном свете? Даже не уверена, что то, что мы видели, это были бесы. Но чем бы оно там не было, а выглядело отвратительно.

На бесе, принявшем вид девушки, была только тонкая ночная сорочка, каким-то чудом удерживающаяся на бретельках. Мокрые волосы облепили череп. Глаза закатились,

остались видимыми только белки. Лицо, шею, руки, часть груди покрывали жуткие ожоги. Голова дергалась в конвульсиях, изо рта вытекала неприятная жидкость.

Опустившись на четвереньках, вывернувшись под совершенно неестественным углом, так, что голова глядела между ног, существо подобралось вплотную к нам.

– Твою мать... – выдохнул кто-то. – Что за бред такой, вообще, на хрен?..

Неистовый, нечеловеческий визг ударил в барабанные перепонки, заставляя, забыв обо всем, в отчаянии зажимать уши.

Этого краткого мгновения оказалось достаточным, чтобы в огне образовалась проплешина. Бес незамедлительно этим воспользовался, прорвавшись в круг. То, что произошло за этим, я, наверное, никогда не смогу вспоминать без содрогания. Бес изрыгнул из своей глотки нескончаемые потоки крови на Джелроя. Пенящаяся, зловонная жидкость окрасила лицо парня.

Сильным ударом в живот Джелрою удалось отшвырнуть противника от себя. Я, не промедлив, запустила боевой пульсар, разнесший нечисть на клочки.

– Ткач! Ткач! Ткач! – орал Джелрой, стараясь оттереть с себя кровь демона. За яростью проглядывала истерика. – Что со мной теперь будет, мать твою?!

– Да не скули ты, словно баба! – рывкнул на друга Оукмар.

– Полегче-ка! – огрызнулась Мэл. – Здесь сейчас не баба

скулит, да?

«Бабе просто повезло», – подумала я. – «Если бы эта дрянь облевала кровью меня, я бы, наверное, ещё не так голосила».

Тут мне сделалось совсем плохо, хотя хуже, кажется, было уже и некуда. Напротив меня стояла...я сама.

Миниатюрная фигурка в черных кожаных брюках, в запыленной просторной куртке, с волосами, собранными на затылке в низкий пучок. Выбившиеся из прически прядки завиваясь мелкими колечками вокруг кукольного личика с черными провалами вместо глаз.

Жуткий двойник протянул ко мне руки...

– Не смотри, Одиффэ, – посоветовал Ланджой. – Это во-все не твоя темная половина, – уверенно сказал он, – не часть тебя. Это вообще не имеет к тебе никакого отношения. Просто демон прощупывает наши слабые места.

И со мной он не промахнулся, гад!

Поднимался ветер. Мой огонь начал метаться из стороны в сторону, угрожая погаснуть. Не удивительно, ведь страх убивает силу.

Двойник раскинул руки в стороны, совсем как я, и встряхнул головой, тоже очень похоже. Волосы огненным водопадом из мелких завитушек разметались в стороны, когда бес взмыл в воздух.

Это, скажу вам, достаточно сложная задача, поддерживать огонь, не теряя концентрации внимания, и одновре-

менно с этим готовиться к контратаке с дьволицей. Магическое упражнение на координацию, по сложности сравнимое с жонглированием.

Я быстренько сплела защитный щит из заклинаний. Даже теоретически невозможно было предположить, как будут развиваться события дальше – на магических занятиях ничего подобного нам не преподавали, мне предстояла полная импровизация.

Демоница не то, чтобы парила, скорее, плыла над нашими головами. Будто кто-то растянул тугую пружину, а потом отпустил. Жуткий двойник стремительно начал падать сверху вниз.

Я представляла, как не пропускаю врага, выставя перед собой заслон. Демон с разгона ударился о невидимую стену. Моё лицо, которое он носил, пошло трещинами. Злобно шипя, он повторил попытку, опять и опять, раз за разом. Я ощущала эти удары так, словно кто-то с размаху бил меня кулаком в живот, аж дыхание заходило. Внутренности завязывались в узел, во рту появился металлический привкус крови. Но я понимала, стоит упасть и всё пропало – гадина из Бездны прорвётся в круг. Для нас это будет означать одно: неминуемую гибель. Поэтому и держалась.

Демоница не думала отступать. Она стояла по ту сторону огненного круга, совсем рядом. Нас с ней разделяло только пламя. В глазах существа плескалась смерть, пока она ощущала перед собой невидимую преграду, стараясь на ощупь

определить слабое место или брешь.

Я чувствовала всепроникающий холод в каждой клеточке моего тела.

Дьволица остановилась, отступив на шаг, замерла. Медленно подняв руки над головой, снова оторвалась от земли и плавно заскользила по воздуху.

Она парила в нескольких футах от меня, снова притягивая к себе всю мглу в округе. Это не было ощущение – глаз воочию видел, как уплотняется вокруг беса мрак, стекаясь, как вода, со всех сторон. Выглядело это словно надвигающаяся гроза. И чувствовалось совершенно так же.

Блеснула молния. Оглушительно громынуло.

Туман походил теперь на тени, обладающие сознанием. Он поднимался вверх, карабкаясь, взбираясь, падал на огонь, стремясь его загасить.

Что ж? Если огонь угаснет – пусть! Я пришла сюда охотиться, а не прятаться! Я уже умирала однажды. Не могу сказать, что это было не страшно, но раз пройдя через что-то, ты уже не так сильно этого боишься. Иди сюда, черноглазая пакость, осмелившаяся принять мою личину! Если мне не суждено выжить, клянусь Бездной, мы спустимся в неё вместе.

Ветер крепчал. Молнии, одна за другой, иссекали небо, полосовали пространство, как кинжалами. Полился дождь.

Моё пламя опустилось, но по-прежнему горело, продолжая оберегать тех, кто стоял за моей спиной. Мой огонь – он

такой же упрямый, как я сама. Так просто не сдаётся.

Невидящие глаза нечисти смотрели прямо на меня, но словно не видели, были устремлены в пустоту.

Что ж, гадина, я упрощу тебе задачу. Прятаться и бежать бессмысленно. Либо эта тварь сгинет в Бездне, либо сдохну я. Да будет так, как решат Боги.

Разомкнув полог пламени, словно занавес, я шагнула навстречу бесу.

Моя противница встретила меня торжествующей улыбкой, и мы медленно пошли навстречу друг другу.

Я старалась не думать ни о чем, просто слушать гул огня, который, точно кровь, пульсировал в моём сердце, тёк по моим жилам. Я ощущала жар пламени за спиной, он жёг всё сильнее, и у меня не было уверенности, что в итоге мы не сгорим в нем вместе – я и она.

Мир сузился до одного лица, окруженного кроваво-огненными, буйными, непокорными волосами.

Моё лицо, мои волосы – но не моя суть.

Длинный юркий черный язык рванулся навстречу мне из разверзшейся пасти. Я перехватила его, обмотав вокруг ладони. Он был отвратительно мокрым, как слизень, и жёг кожу, точно кипятком. Черные глаза нечисти перестали быть равнодушно-невидящими. В них горел голод. Голод и неукротимая, ненасытная, сатанинская иррациональная злоба.

Изо всех сил я тянула мерзкий язык, посылая по этой тон-

кой ниточке, соединившей меня и противницу, всю огненную мощь, на которую была способна. Кровавая тьма накрывала меня, старалась вырвать из мира осязания, забросить в тьму. Но мой огонь разгорался сильнее, тьма отступала. Я будто тонула, но, даже утопая, обвивала огненными языками врага, и он своей агонией удерживал меня на краю бытия.

Так в пустоте мы и летели вместе, Тьма и Огонь, пока огромная скорость магического потока не сорвала иллюзии, точно шелуху.

Не знаю, как видят бесы и что там видела во мне моя противница. Для меня она утратила антропоморфную форму и выглядела теперь как огромный белёсый червь, с присосками в том месте, где у змей бывает рот.

Мерзкие присоски тянулись ко мне, вынуждая схватиться обеими руками за гибкое, верткое тело, и изо всех сил удерживая эту гадость на расстоянии. Холодное, словно мокрый труп, сильное тело стремилась вырваться из горячего кольца моих рук, влезть в рот, впиться в глаза, заполнить смрадом легкие, напоить тьмой тело, разорвать мозг и затопить чернотой глаза.

Тело червя, как таран, скользило в руках. Ужасное злово-ние оскорбило обоняние... ещё мгновение, и...

Да чёрта с два! Отвали, гадина!

Со всей яростью я ударила, сжимая пальцы на плоти белого червя, выжигая его из реальности.

Сдохни-сдохни-сдохни!!!

Сдохни ты уже, наконец!

Понимая, что гибнет, червь замолотил хвостом перед тем, как яркий столб белого пламени разорвал демона на части.

Я осознала, что стою на коленях, опираясь на кулаки и с хрипом, надрывно дышу. Меня трясло, как в ознобе. Было холодно, так холодно... очень холодно. Как всегда, когда я слишком много расходовала магической энергии.

Стоял острый, въедливый запах гари. Вокруг пепелище, как после большого пожара. Трава ещё дымилась.

Надо мной склонился Ланджой, он что-то говорил. Звук его голоса успокаивал, хотя смысл произносимых им слов до меня не доходил.

Я видела, как люди бродили по выжженной земле. Видела скрученного, словно колбаса, Джелроя, хотя теперь, когда демон уничтожен, зараза сгинула вместе с источником. Это место было очищено.

Опасность миновала, но порадоваться данному обстоятельству у меня не хватило времени. Между деревьями воссиял перламутрово-платиновым светом портал, выпуская всадника, похожего на сказочное видение. Чудесный, белый, с золотом, плащ, наверняка зачарованный, водопадом стекал с плеч высокой стройной фигуры.

Мужчина повернул ко мне лицо с очень характерными, легко узнаваемыми, яркими зелеными глазами под копной коротко остриженных, золотистых волос.

– Вот Ткач! – выдохнул Джейман, широко открывая в глаза – Стальная крыса!

Теи натянул удила, заставив заплясавшую, заартачившуюся было, лошадь стоять смирно. Его узкие, резко очерченные губы были непривычно плотно сжаты.

– Прогулка закончена, Одиффэ, – обратился он ко мне сухим, насмешливым тоном.

– Что вам нужно от девочки? – Ланджой закрыл меня собой.

Его рука непроизвольно сжала оружие.

Теи смерил его ледяным взглядом:

– Похвальная верность, – снисходительно кивнул он. – Но для вашего же блага, сударь, рекомендую убрать руки от огнестрела.

– При всём уважении, маэстро, всё не так просто, – покачал головой Ланджой.

– Вот и не стоит всё ещё сильнее усложнять, – парировал Теи.

– Ты, высокомерная тварь! – сплюнул Таббар, перехватывая боевой топор и поигрывая мышцами, – мы, конечно, мусор у тебя под ногами...

– Но, смею заметить, – растянул в улыбке большой рот Джейман, обводя рукой членов нашего отряда, – здесь много мусора. Ваше Всесильное Светлейшество рискует утонуть в дерьме.

– Я не боюсь рисковать, юноша, – ухмыльнулся Теи. – Я,

неплохо плаваю, кстати. Одиффэ, если не желаешь урезонить новоявленных друзей, советую отойди в сторону. И даже не думай сбежать снова.

Я поняла, охотники готовы драться за меня, как за одну из своих. Ясно было и то, что, дойди дело до схватки, Теи никого не пощадит.

– Хватит, – устало покачала я головой. – Никто не будет ни с кем драться. Ребята, – повернулась я к товарищам, – всё хорошо, и этот человек не причинит мне вреда. Он... он мой родственник. Всё в порядке, Ланджой, – положила я ладонь на руку нашего капитана. – Так и должно быть. Спасибо вам, ребята, за всё. Я горжусь тем, что прошла этот путь с вами, горжусь знакомством с каждым из вас. Вы – честные люди. Да хранят вас Благие Боги.

Теи смотрел на нас сверху вниз, как на расшалившихся детей, скептически приподняв бровь.

Я повернулась к нему, давая понять, что готова следовать за ним.

Чеаррэ протянул мне руку, помогая подняться в седло.
Каникулы закончились.

Глава 9

Стоило вспышке, вызванной телепортацией, угаснуть, я увидела, что стою прямо перед старым фонтаном. Полуобнажённая нимфа по-прежнему смотрела вперёд незрячими глазами. Из кувшина, зажатого в её руке, тонкой струйкой бежала вода, лаская оголённые прелести перед тем, как с тихим шелестом кануть в круглой чаше бассейна.

Не будь я вымотана до предела, наверное, было бы тяжело снова войти в дом, в котором когда-то пришлось убить любовницу Чеаррэ, но у усталости есть свои плюсы.

Бескрайний вестибюль освещало пламя, поднимающееся из высоких медных чаш, раскачивающихся на длинных цепях. Миновав прихожую, мы вошли в роскошную гостиную. Стальная Крыса вызвал прислугу, встряхнув мелодичный колокольчик, и седой мажордом тут же нарисовался на пороге.

– Мой господин? – склонился он в низком поклоне.

– Прикажи подготовить ванну и чистую одежду для моей племянницы. И ещё – пусть из погреба принесут пару бутылок красного вина.

Мажордом испарился, бросившись исполнять озвученные желания.

Теи опустился в кресло, вальяжно забросив длинные ноги на пуфик:

– Признайся, Одиффэ, ты действительно находишь кочевую жизнь увлекательной? Неужели тебе вправду нравится носить обноски? Находить средства к существованию путем уничтожения мелкой нечисти?

– Дорогой дядюшка, вы, как всегда, всё передёргиваете.

– Продолжай, – склонил голову к плечу Теи.

– Моя одежда – не обноски, просто блуждать по трясине в длинных платьях и на каблуках-шпильках не очень-то удобно, о чём вы, наверняка, не догадываетесь.

– Ну, конечно. Я-то никогда не блуждал по болотам!

– В платье и на каблуках?.. Надеюсь.

– Очень смешно, – скривился он.

– Вы так же преуменьшаете силу моего противника. Не хочу показаться нескромной, но лично вам вряд ли удалось бы с ним справиться.

– Скромность – твой конёк.

– Глистообразные демоны, как оказалось, крайне неразговорчивы и совсем не влюбчивы. Так что основной боевой арсенал Чеаррэ, лесть и обольщение, перед ними недейственен.

– Ладно, хватит пустой трепотни, – перестал улыбаться Теи. – Эдония с Фиаром балансируют на грани войны. Не находишь, что сейчас не время наслаждаться погоней за чудовищами?

– Кто ещё за кем бегал, выяснить нужно, – фыркнула я.

– Ты ведь не рассчитывала, что сумеешь скрыться от нас?

– Отнюдь. Признаться, я даже несколько переоценила ваши таланты. Ведь я не особо-то я и пряталась, а вы искали меня целых три месяца.

– И чего в итоге добились своими капризами?

– Поиграла у всех на нервах?

– Признаться, виртуозно, – Теи соединил в изящный до-мик кончики длинных белых пальцев. – Нам никак не удавалось выйти на твой след, не было совершенно никаких зацепок. Если бы не эта последняя, яркая, как свет, магическая вспышка, быть бы тебе охотницей на нечисть ещё долго-долго.

– Лучше расскажи, что вы там плели моему будущему царственному супругу, пока меня не было?

– Никак, де, невозможно отдать невесту замуж без диплома. Это, мол, неуважение к его Темнейшеству, – театрально развёл он руками. – В болотах ты проходила практику, – предупредили меня.

– И был шанс, – да ещё какой! – что не пройду, – огрызнулась я в ответ. – Тварь, с которой я расправилась... признаюсь, на свете мало что пугало меня до такой степени. Она меня чуть не прикончила. Вот что бы вы стали делать, если бы я умерла?

– Проблемы, Одиффэ! У нас тогда возникли бы *большие* проблемы. Ты их бесконечный генератор. И это ещё одна причина, по которой Семья решила вручить тебя Дик*Кар*Сталу, нашему заклятому врагу. Поделимся, так ска-

зять, своим счастьем.

Седой мажордом с поклоном доложил, что ванна готова.

Купальня в доме любого аристократа заслуживает внимания. Не составлял исключение дом Теи. Здесь можно было найти все блага цивилизации: большие и малые бассейны, душевые кабины и ванны, шампуни, духи, лосьоны, притирания на любой цвет и запах.

С меня-то хватило обыкновенной ванной, я в этом плане девочка непривередливая. Всё, что нужно для счастья, это вода да мочалка, мыло да чистое платье.

Если я и вернулась быстрее, чем Теи рассчитывал, добрый дядюшка виду не подал. Со спокойствием истинного философа он протянул мне чеарровский тоник, замешанный на весьма специфической фамильной магии. Специфика состояла в том, чтобы чудесным образом пополнять резервы магической энергии, восстанавливая нарушенный баланс.

Осушив бокал, я поставила его на хрупкий хрустальный столик:

– Сантрэн очень на меня зла?

– Сама увидишь, – ухмыльнулся Теи.

Меня встретили двумя размашистыми оплеухами.

Подобный приём был полной неожиданностью – на моей памяти Сантрэн никогда не опускалась до рукоприкладства.

– Как ты посмела так рисковать собой? – шипела она, словно расвирепевшая гюрза. – Всеми нашими планами?..

Не ожидала, что ты поведёшь себя подобно наивной барышне, берущей за кредо дешёвые романы о любви. Твои капризы чреваты войной. Ты это понимаешь?

Переведя дыхание, Хранительница Клана опустилась в высокое кресло. Изящные руки властно легки на подлокотники. Белое лицо походило на маску, лишь глаза горели холодным зелёным пламенем.

– Садись!

Я села.

– Вот что я тебе скажу. Ты отправишься в Фиар в ближайшее время. Свадебный кортеж, как и твоё приданное, уже давно подготовлены. Подготовлен и брачный контракт. Суть последнего тебе известна: престол унаследует сын Дик*Кар*Стала от первого брака, а также его будущие законные наследники. Но мы не можем исключать вероятность несчастья со старшим сыном Дик*Кар*Стала. Тогда претендентами на трон Фиара могут стать ваши, с Дик*Кар*Сталом, дети.

– Я не!..

– Довольно, Одиффэ! – ледяным голосом прервала Сантрэн. – Я по горло сыта твоим самодурством и капризами. Больше я этого не потерплю. Тебе придётся смириться с нашим решением, другого выбора у тебя нет.

– А если я не смирюсь? Что тогда?

– Не думай, что если умеешь устраивать классные фейерверки, то ты круче всех на свете. Я жила и успела состарить-

ся ещё до того, как на свет появился твой прадед, девочка. Продолжишь упрямитесь, сделаешь хуже, в первую очередь, себе.

– Решила перейти к угрозам? – понимающе покачала я головой. – Скажи начистоту, если я не подчинюсь, меня устроят?

– Лишь в самом крайнем случае.

– Ясно.

Какое-то время, храня задумчивое молчание, я выбивала пальцами незамысловатый ритмический рисунок. Потом подняла голову и пристально уставилась в змеиные, гипнотизирующие глаза собеседницы:

– Скажите, матушка, что помешает мне позже, без угрызения совести, предать ваши фамильные интересы?

– Ты не сможешь этого сделать, – любезно сообщили мне. – Мы одинаково нужны друг другу, ты – нам, а мы – тебе. Одиффэ, пойми правильно, мы не собираемся узурпировать власть у законного короля. Лишь хотим заручиться лояльностью Чёрного Правителя в обмен на такую же гарантию лояльности с нашей стороны. А вот когда придёт время, у тебя и в твоих детей будет верный и сильный союзник в нашем лице.

– Как у вас всё складно да гладко!

– Это долговременный проект. Времени у нас, хвала Благим Багам, достаточно – маги живут долго. И хотя ты доставила нам много неприятных минут, я продолжаю хранить ве-

ру в тебя.

– Ну, ещё бы! – невесело хохотнула я.

– Сейчас ты мне, конечно, не поверишь, но придёт время, и ты оценишь мои старания. Я ввожу тебя в самую интересную игру, которая только существует на свете – в игру престолов.

Мне никогда раньше не приходилось ночевать в доме Сантрэн.

Видимо, памятуя об этом, Эллоиссэнт и решил не оставлять меня в горьком одиночестве. Стоило шагнуть за порог полутемной комнаты, как я, споткнувшись, упала в его объятия.

Холодный запах свежести, мяты и полыни, свойственные ему одному... Ткач!

Ну зачем ты здесь, Эл? Я ведь почти смирилась! Сама вероятность возвращения к тебе казалось мне невозможной. Наша любовь – разбитая чаша. Меня для тебя всегда было слишком много, тебя для меня – слишком мало...

Зачем ты пришёл?

В неровном свете свечей он выглядел бледным, почти изможденным. Под глазами залегли болезненные тени, но всё это удивительным образом шло ему.

Сухая ладонь накрыла мои губы, вынуждая молчать.

Эллоиссэнт смотрел на меня непривычно серьёзно.

Злость, единственное, на чём я ещё кое-как держалась,

стремительно уходила, тая, как снег от каминного жара.

Пальцы Эллоиссента мягко скользнули по моей шее, коснулись плеча, прошлись вдоль локтя и, наконец, сжались на кисти, оставляя отчетливое ощущение захлопнувшего капкана.

– Красивая... ты. Красивая и жестокая... я так боялся, что больше не увижу тебя...

– Хватит уже, – сказала я, – затянувшаяся трагедия превращается в фарс. Ты должен был либо взять меня, либо уже отпустить. А ты всё тянешь и тянешь, растягивая агонию. Так кто из нас более жесток?

Его руки с жадностью скользнули по моему телу, зарываясь в волосы. Его губы словно силились выпить моё дыхание до последнего вздоха. Гибкое юношеское тело с такой силой вдавило меня в стену, будто Эл был вдвое тяжелее своего настоящего веса.

Не было на свете человека, который бы знал моё тело, как знал его он – словно музыкант, виртуозно владеющий инструментом. Эллоиссенту всегда достаточно было пары движений, чтобы довести меня до грани.

Я сдалась, хотя и понимала, что это всё усложнит. Сдалась, даже не пытаясь сражаться, ведь, скорее всего, это наша последняя встреча наедине. Да и можно ли запретить умирающему от жажды пить?

Эллоиссент был моим кислородом, моими дровами, землёй, звёздами. Одним лишь он наотрез отказывался стать –

моей жизнью.

Будь ты проклят, Эллоиссент. Хотя на самом деле – проклята я.

Пока моё тело горело пламенем страсти, в моей душе корчилась любовь, оказавшаяся слишком живучей. Умри ты уже, наконец, моя никому ненужная слабость. Стори в гибельном пламени страсти, задохнись без кислорода надежды, растворишься в череде лет и лиц. Забудься. Исчезни.

Под моей ладонью стремительно колотилось сердце Эллоиссента. Я тонула в этой сумасшедшей пульсации, отдающейся жгучим наслаждением во всем теле. Не оставалось клеточки спокойной или равнодушной. Я была вся – огонь.

Но пылая, знала, что вскоре от всего этого не останется ничего, кроме пепла.

В изнеможении уткнувшись в горячее, влажное плечо, я закрыла глаза, прислушиваясь к сбившемуся дыханию своего любовника:

– Интересно, как скоро ты меня забудешь?

– Я тебя не забуду. Ты это знаешь.

– Не знаю.

– Хотел бы, да не получится.

– Как зовут ту очаровательную блондинку, с которой ты ворковал тем утром, когда я сбежала?

– Ацуки Вицу.

– Превосходная память!

– Бедняжка была мне интересна ровно столько, сколько ты смотрела на нас. И ни минутой больше.

– До глубины души трогает способ, которым ты предпочитаешь привлекать к себе моё внимание. Оставляет надежду, что с моим исчезновением ты примешь целибат.

Эллоиссент засмеялся. Его изящные длинные пальцы бережно, как величайшую ценность, сжали мою ладонь. Свечи отражались в зелёных глазах:

– Не дождёшься, мой очаровательный демон.

Я отняла руку и перекатилась на живот, тем самым отдаляясь:

– Тебе уже сообщили, чем займут твоё время после окончания учёбы? – сменила я тему.

Эллоиссент как-то скучно пожал плечами:

– Сантрэн прочит мне должность начальника Магического Сыска в каком-то богами забытом городишке. Полагаю, народ в отделе Департамента рад данному обстоятельству так же, как и я.

– Я думала, тебя ждёт карьера дипломата?

– Я тоже.

– И снова – поразительная покорность? Так и не научишься возражать любимой родне?

Меня всегда очаровывала в нём эта особенность. Только что взгляд его был мягок, как сама нежность, и вот уже в его глазах сверкает стальной блеск. Удалось его задеть?

– Какой смысл имеет возражать в мелочах, раз у меня не

хватило сил и аргументов возразить в самом главном? Хотя, это даже к лучшему – я карьеру дипломата имею ввиду, не твоё скорое замужество. Если бы в последнем вопросе, хоть что-то зависело от меня, Одиффэ...

– Не начинай!

– Я просто хочу, чтобы ты поняла... – вскинулся он.

– Ты меня недооцениваешь, я не так глупа, как, возможно, кажусь. Не нахожу в сложившейся ситуации ничего сложного для понимания. Фиар – лакомый кусок, вот твоя властолюбивая родня и вцепилась в него всеми своими клешнями и присосками. Наверное, даже при наличии лишь моего трупа, свадьба все равно бы состоялась.

Резко, наотмашь, кулак Эллоиссента неожиданно врезался в подушку рядом с моей головой. Ещё раз. И ещё. Яростно, гневно, отчаянно. А потом он застыл, и лицо его сделалось разом как-то старше, строже и интереснее:

– Ты думаешь, что ненавидишь меня, Одиффэ? – он покачал головой. Длинные локоны заметались по спине, извиваясь гибкими змеями. – По сравнению с тем, что я чувствую, твоя ненависть – ничто. Ты не можешь презирать меня сильнее, чем я презираю себя сам. Каждый раз, глядя в зеркало, я вижу перед собой мальчишку, которому нужно поступать, как взрослый, а он не может... – В голосе Эллоиссента, словно трещина в хрустале, послышалась хрипота. – Ты не представляешь, какого это, каждый раз прикасаясь к тебе, чувствовать себя подлецом, мерзавцем и вором. Знать, что

ничего здесь, от взгляда до сердца, мне не принадлежит.

Ты считаешь меня неразборчивым в связях игроком? Поверь, я не ищу разнообразия, волочась за очередной юбкой, как тебе, возможно, кажется. Я лишь пытаюсь утопить мою тоску, забыться, как-то выжить. Но сколько бы я не пытался, Одиффэ, у меня не получается!

Ты вот-вот уйдёшь из моей жизни, и моё существование потеряет смысл. Никакой секс, ни дорогие куртизанки, ни дешёвые проститутки, ни девственно-невинные девы мне тебя не заменят. Я это знаю. Встречаясь с очередной пассией, я хочу увидеть, как в её волосах пылает огонь, чтобы каждая волосинка в её причёске походила на превращённый в нити рубин. Чтобы глаза, подобно чёрному драгоценному камню, поглощали свет. Но даже если мои пожелания сбудутся, они всё равно – не ты.

Лишь когда ты сбежала, я понял, какой неотвратимой может стать разлука. Как тяжело не иметь возможности просто прийти, увидеть и обнять.

Эллоиссент опустил голову. Волосы тёмным дождем пролились вниз, скрыв от меня его лицо. Когда же он снова поднял глаза, передо мной не было привычного бабника и паяца.

Боль жила в его душе точно так же, как она жила в моей.

Его глаза удивленно расширились:

– Одиффэ, ты... плачешь?

Надо же? Я и не заметила. Так давно не плакала, что думала, будто и не умею.

Я не плакала, когда увидела труп моей матери. Не плакала, когда убивала сама. Не плакала, когда пытались убить меня. А тут, какая-то любовь?..

Эллоиссент заключил меня в объятия. Он укачивал меня, словно младенца.

А я смотрела на него снизу вверх и пыталась представить, каким он станет лет через пятнадцать.

Тридцать?

Сто пятьдесят?

Триста?

Увижу ли я его ещё когда-нибудь? И как мы встретимся?

Останется ли от нас, теперешних, хоть что-то? Будет ли для нас, трехсотлетних, что-то значить давняя, пусть нелепая, но такая горячая и живая первая юношеская любовь? Или со временем забывается всё, и даже это?

– Эл?

– Что?

– Скажи, что любишь меня.

– Я люблю тебя.

Так мы и лежали, голова к голове, плечо к плечу, рука в руке.

В моей долгой, бурной жизни, не было минуты более горькой. И более светлой.

Я любила его тогда.

По-настоящему – любила.

Глава 10

– Короли интересны тем, что носят корону, – сказала Сан-трэн. – Дик*Кар*Стал же любопытен вдвойне, поскольку, в отличие от большинства монархов, он не просто носит тиару – он обладает реальной властью.

Его Темнейшее Величество, Сиобряна Дик*Кар*Стала, я видела несколько раз, но отчего-то он мне не запомнился. Как ни старалась, я не могла воскресить в воображении конкретного образа. Черты лица, манеры словно спрятались за неясной дымкой, смазались, смешались в одно бесконечное неясное пятно.

Некромант, мужеложец, отцеубийца, похотливый развратник – таким молва рисовала моего будущего супруга-короля. Но даже если его слава вполне им заслуженна, мне нет до этого никакого дела. Я погрешила бы против истины, сказав, что будущий супруг внушал мне отвращение. Черён Дик*Кар*Стал или светится, словно альф небесный – мне всё равно.

Отвращение внушал не человек, а сама ситуация. Для меня плох любой, кто не Эллоиссент. Да и за последнего я замуж не рвусь. Брак, как таковой, впечатляет и прельщает меня не сильнее, чем наручники или кандалы. Он лишает воли. Он похож на ярмо или пожизненный срок осуждения без права на помилование.

Ненавижу цепи и обязательства.

Ненавижу ярмо.

Ненавижу брак.

Я не верю, что судьба прописана Богами до мелочей, но знаю, что каждый из нас создан Высшими Силами с тем, чтобы занять определённое место в установленном миропорядке. Каждому из нас, согласно душевным склонностям и природному темпераменту, задана роль во Вселенской пьесе. Если мы хотим быть счастливыми, то должны послушно выполнять, что предписано.

Роль нежной, терпеливой, преданной жены, роль королевы и властительницы – не для меня. Я должна охотиться на чудовищ, передвигаясь по земле, подобно облакам, гонимым ветром, свободно и легко.

– Ты больше не имеешь право вести себя, как взбалмошная девчонка, – увещевала Сантрэн. – Ты должна стать твёрдой, как сталь, и изменчивой, как вода.

Мне стать изменчивой, как вода? Мне, сотканной из огня?..

И чего только с собой не сотворишь ради поставленной цели.

А цель моя проста, при всей её запредельной сложности. Я должна как можно скорее родить законного наследника его величеству, устранить с пути его первого сына, и всё, что может встать между мной и тронem, гарантирую выгодную для Эдонии политику. За мою службу, когда-нибудь, в будущем,

Чеаррэ, возможно, уже не будут препятствовать нашему союзу с Эллоиссентом. Даже напротив! Ведь вдовствующей королеве просто необходим рядом умный преданный человек.

Главная сложность состоит в том, что его Темнейшее Величество отнюдь не глупы, это признают даже его злейшие враги. Наверняка Дик*Кар*Стал прекрасно отдаёт себе отчёт в том, какие козыри прячут в рукаве мои родственнички. Чай, не мальчик, на царство не вчера помазан, знает, что мир сделан не из розовой помадки. И в намерения моего будущего супруга вряд ли входит гибель старшего сына и лишение суверенитета подвластному ему государству.

Хочу легкую работу – сражаться с обычными монстрами.

Но кого тут интересуют мои желания?

Баркас, несущий нас к адмиралтейскому кораблю, двухмачтовому бригу, водоизмещением в двести тонн, легко разрезал волны. Дул свежий, попутный ветер. Заходящее солнце таяло в красном облаке, и его лучи золотились на гребнях чёрных волн.

Отведённые мне апартаменты состояли из двух спален, ванной комнаты и уютного салона. Затем шла большая общая зала, в которую выходили шесть кают. Каюты адмирала располагались дальше, на носу брига, а команда размещалась в подпалубном пространстве.

Вместе с отливом корабли вышли в море, направляясь в сторону Фиара.

Имея удовольствие наблюдать, как береговая линия дрог-

нула, и начала медленно отодвигаться, слушая резкие сигнальные гудки и чувствуя, как палуба всё сильнее содрогается под ногами, я думала о том, что это к лучшему, что после той ночи в доме Сантрэн мы с Эллоиссентом больше не виделись.

В первый день плавания море было спокойно, на второй началась сильная качка. Мне и сопровождающим девушкам запретили подниматься на палубу во избежание несчастных случаев. От нечего делать, мы играли в карты на деньги и развлекались пустыми разговорами.

Море бурлило. Ветер гнал облака, подбрасывая пенящиеся волны и покрывая стекла иллюминаторов соленой едкой пеной. Это не очень способствовало оптимистичным настроениям, но капитан заверял, что качка небольшая, и опасаться совершенно нечего.

Видимо, он был прав. На рассвете мы без приключений прибыли в Порт-Ларт.

Стоя на мостике, можно было легко наблюдать, как фиарская знать суежилась на берегу, как шлюпки выдвинулись нам навстречу, как гребцы налегали на весла, и утлое судёнышко то и дело зависало на пенистых гребнях, а потом, словно сброшенное с высоты, резко падало вниз.

Так мы проторчали под ледяными брызгами целый час, пока, наконец, шлюпка не подошла к правому борту нашего бригаа.

– Ваше Величество, – склонился передо мной один из

прибывших. – Позвольте представиться, я – герцог де Шомги. Король Фиара прислал нас приветствовать вас, мы к вашим услугам. Готовы сей же час, немедля, отвести вас на берег...

– Боюсь, о том, чтобы немедленно сойти, речи быть не может, – решительно возразил ему Теи. – Вот через пару часов волнение уляжется, и тогда...

Когда выглянуло солнце, капризное море вновь успокоилось, став гладким, точно зеркало.

Фиарская земля преобразилась, будто решила произвести на меня самое благоприятное впечатление. Берег оказался усыпанным белыми, похожими на кукольные, симпатичными домиками, ярко выделяющимися на фоне зелени – растительности и прояснившихся небес.

Пушки фортов гремели, бухая. Им вторили салюты. Огненные облака вылетали один за другим из черного горнила зияющих пушечных жерл и превращались в мягкие клубы дыма, безобидно стелющиеся над водой.

Толпы ликующего народа приветствовали меня повсюду. В честь предстоящей свадьбы в городе устроили пир. К главному столу, за которым пришлось восседать почти всю ночь, пригласили знать и первых лиц города.

На следующее утро мы покинули гостеприимный город и направились в столицу Фиара. Свадебный кортеж двигался по залитым солнцем дорогам, неромантично оставляя за собой стойкий запах конского навоза.

Сиобрян Дик*Кар*Стал выехал мне навстречу в окружении придворных и королевских гвардий, а верных мертвецов, о которых я была столь наслышана, он предпочёл пока не демонстрировать.

– Будь умницей, веди себя хорошо, – наставлял Теи перед тем, как услужливо распахнуть дверь кареты.

Толпа придворных, пестрящих яркими нарядами, словно бабочки – опереньем, колыхнулась и отступила, открывая взору приближающегося мужчину в черном.

Если быть точным, в костюме его величества умело сочетались лунное сияние и тьма. Под длинным плащом из блестящей черной ткани, скреплённой крупными алмазными пряжками, виднелся камзол, украшенный изысканными чёрными кружевами. Шейный платок сплошь усыпала мелкая алмазная крошка, пряжки на туфлях тоже блестели. А то, что не сверкало, подобно льдинке, отражая свет, поглощая его.

Наверное, мой взгляд был излишне откровенным и прямым. Благородные дамы так не смотрят.

Первое, что бросалось в глаза – надменное, презрительное, даже желчное выражение лица Дик*Кар*Стала. Между крючковатым носом и большим тонкогубым ртом пролегли четко выраженные носогубные складки. У прищуренных глаз залегла сеточка морщин, разбегаясь тонкими лучиками. Пять лет, истёкшие с нашей встречи не прошли для него даром. Дик*Кар*Стал, возможно, был сильным правителем,

но в его жилах текла обыкновенная человеческая кровь, без малейшей примеси крови чудесного народа, и возраст уже успел наложить на него свою безжалостную печать.

Несмотря на это, наружность короля Фиара можно было назвать скорее привлекательной, чем отталкивающей. Черные волосы, спадающие на лицо рваными, неровными прядями, успело присыпать сединой, словно инеем, но глаза у него сохранили огонь молодости и походили на два драгоценных камня.

Дик*Кар*Стал не пытался мне поклониться, как того требовал этикет и только тогда до меня с запозданием дошло, что по местным обычаям я первая должна была приветствовать его реверансом.

Видимо, сообразив, что я так и буду продолжать стоять, медленно моргая, он подал мне руку, и мы сели в королевскую карету.

Всё время, пока мы ехали, будущий муж продолжал сверлить меня взглядом. В полном молчании. Пока не снизошёл до вынесения сухого вердикта:

– С нашей последней встречи вы заметно похорошели, сударыня. И, как я погляжу, стали благовоспитаннее. Кстати, вы не забыли прихватить полученный диплом?

В его голосе послышалась тень насмешки, но лицо оставалось серьёзным и сосредоточенным.

– Простите?.. – попыталась изобразить недоумение я.

– Нашу свадьбу отложили на несколько месяцев из-за этой

бумаги. Так что теперь я велю запечатать её в золотой ларец, как реликвию, чтобы каждый мог убедиться, какая образованная у меня королева.

Насмехаться изволите, маэстро? Ну-ну...

Мы въехали в Тиону, столицу Фиара, через главные городские ворота.

Кортеж проехал по городским улочкам, похожим на узкие коридоры. Тафль, главный дворец королевской резиденции, оказался массивным, громоздким строением. На крышах и куполах его красовались многочисленные династические гербы.

Мы поднялись по широкой мраморной дворцовой лестнице, прошли через ряд длинных галерей, мрачных, несмотря на лепные позолоченные потолки и шикарный паркет. В отведённых апартаментах мне помогли переодеться в традиционное белое платье, после чего, немедля, отвезли в главный столичный храм, где и должна была состояться свадебная церемония.

По фиарскому обычаю к алтарю я шла в гордом одиночестве. Наш с Дик*Кар*Сталом брачный союз должны были благословить местные боги, которых я не знала и в которых не верила.

Впрочем, я вообще в богов не верила. Скорее уж в некую высшую силу, придающую мирозданию подобие порядка.

Из собора во дворец мы с царственным женихом, успевшим стать мужем, ехали верхом на лошадях, сопровождае-

мые радостными, ликующими криками толпы. Придворные щедро одаряли простонародье милостыней. Золотые монетки со звоном падали на булыжник и люди дрались из-за них, поднимая кучу пыли с мостовой.

Во дворце ждал обед – бесконечный, длинный, церемониальный, а за ним должно было последовать самое главное и страшное – первая брачная ночь.

Меня не пугала необходимость исполнения супружеского долга. Пусть Эллоиссент до сего момента был единственным мужчиной в моей жизни, простого физического акта с другим было все равно маловато, чтобы повергнуть меня в шок. Я не трепетная дева из куртуазного романа, при слове «член» в обморок не падаю. Как мужчина Дик*Кар*Стал не вызывал во мне отвращения, а вот необходимость объяснения с ним по поводу отсутствия девственной плевы, гордо именуемой женской честью – вот это угнетало. Пресловутая девственность как бы априори прилагалась к нашему брачному контракту. А что поделать? Её нет.

Так сложилась моя не слишком путевая жизнь, что заморачиваться над соблюдением условностей было некогда. Да и с чего бы мне, рожденной в борделе, прошедшей суровую школу выживания у Миарона, беспокоиться о мелочах?

Кроме того, Эллоиссент никогда не был для меня капризом или прихотью. Я любила его. Я не стыжусь наших отношений, как не стыжусь саму себя. Я такая, какая есть и всё было так, как было.

Однако мне никак не удавалось отделаться от ощущения, что, подписав контракт, я не выполнила взятых на себя обязательств. Вроде как поступила бесчестно?

А бесконечное застолье всё продолжалось, тянулось, словно резина. Есть я не могла. Все мои силы уходили на то, чтобы держать спину прямо.

Кое-как дошло до десерта. Подносы с филе из уток, всевозможными салатами и паштетами из гусяной печёнки сменялись подносами с пирамидами из фруктов и различной выпечки.

Вина всех цветов и оттенков следовали одно за другим.

А мне всё сильнее хотелось ускорить, намотать время, будто нить на веретено, тем самым приблизив неизбежные тягостные объяснения. Только железная, почти армейская дисциплина, к которой нас приучали в Академии, помогала держаться.

Стоило мне ненароком уронить взгляд на мужа, как я убеждалась, что он тоже не сводит с меня глаз. Возможно, виной тому было неровное освещение, но мне все время мерещилось выражение злой иронии на его лице.

Не сразу удалось сообразить, что юноша, сидящий с нами на одном помосте, есть никто иной, как мой пасынок, Фабриан Дик*Кар*Стал, сын прекрасной Синьиэры, по слухам, невинно убиённый собственным супругом.

Кронпринц выглядел мне почти ровесником, был высок и отлично сложен. Золотистые локоны его, перехваченные зо-

лотой тиарой, ниспадали до самых плеч. Рубины в драгоценной короне подчеркивали искрящуюся, почти чарровскую, зелень глаз. По всей видимости, мальчик унаследовал красоту своей матери, о которой шла такая широкая молва. И всё же принц Фабриан мне не понравился. Мне не импонировала надменная складка у его рта и едкий, не по возрасту жёсткий, взгляд.

Однако, если сравнивать впечатление от этого мальчика с его соседом, сидящем по левую руку с ним, можно сказать, что принц Дик*Кар*Стал сумел внушить мне почти горячую любовь. Я не сразу узнала Лэша Виттэра, фаворита и постельного миньона Тёмного Короля.

«Предан Дик*Кар*Сталу как цепной пёс, – так охарактеризовала его Сантрэн. – Принадлежит ему целиком и полностью, со всеми потрохами».

Ходили слухи, что до того, как попасть в королевскую опочивальню, маркиз Виттэр, тогда ещё просто Лэш, был приговорён к каторжным работам в Солёном городе. Что во время королевского выезда он, якобы, кинулся под копыта государева коня и вымолил себе пощаду, открыто предложив государю услуги интимного характера. Шептались так же и о том, что этот красавец причастен к гибели королевы Синьиэры. Будто та осмелилась требовать у своего мужа голову его любовника, и в результате лишилась собственной.

Надо принять к сведению. А ещё приходится признать, что миньон недурён собой. На том, как говорится, стоит. За

что, понятное дело, держат, ласкают, и титулами награждают, деньгами осыпают.

У новоиспечённого маркиза, выползшего, из самых низов единственно благодаря лишь королевской похоти, была непристойно смазливая физиономия. Замысловатая причёска, слишком цепкий, для приличного человека, взгляд. Чёртов Лэш пропитан сексом, словно туча – дождём.

Чуть дальше за столом располагались члены Большого Королевского Совета с семьями – женами, сыновьями и дочерьями. Ближний придворный круг – ближе всех сидели к нам премьер, канцлер и казначей, на которых опиралась королевская власть. Дальний придворный круг, которые просто всех развлекали.

Наконец пытка ожидания закончилась – Сиобрян Дик*Кар*Стал поднявшись с места, протянул руку мне.

Взлетели вверх кубки, полетел над столами клич: «За здоровье молодоженов!»

Мы начали церемониальное шествие вдоль выстроившейся вереницы придворных.

Глава 11

Придворные лизоблюды услужливо гнули спины пока я уныло волокла свой длинный шлейф по мраморным плитам дворца, направляясь к порогу царской опочивальни. Мне казалось, иду я не на брачное ложе, а на плаху.

Тускло светили свечи. В их неровном свете лица людей походили на бледные луны, круглые до однообразия. Резные балконы, карнизы с позолоченными листьями, одежда, драгоценности – всё зловеще сверкало.

Гвардейцы, охраняющие вход во внутренние королевские покои, при моем появлении опустили пики и распахнули двери, сразу же затворив их за моей спиной, отрезая от бестолково гомонящей толпы.

Центральное место в опочивальне, как и полагается по законам жанра, занимала огромная двуспальная кровать, с наполовину снятым серебристым покрывалом за приоткрытым пологом. На подушках меня дожидалась красивая ночная сорочка, такая тонкая, словно её сплели из лучей Летаса. На трёх окнах висели тёмные, тяжёлые портьеры, отделанные богатой серебряной вышивкой.

Фрейлины приветствовали меня реверансом.

Я не сопротивлялась, когда они принялись снимать с меня многочисленные одежды, одну за другой, словно листья с капусты. Безучастно терпела все их ритуальные масса-

жи-притирания. Даже когда они принялись трясти кадиллом по всей комнате, распространяя резкие благовония, воскрешающие ненавистные воспоминания о Доме Теней, я продолжала хранить терпеливое молчание.

Договор есть договор. Всё честно. Мне дали пять лет передышки, подарили возможность жить жизнью, о которой я всегда мечтала, а теперь принесли счёт. Остаётся честно расплатиться. Что ж? Я найду в себе силы стерпеть Дик*Кар*Стала и его ненавистную корону, ведь стерпела же я предательство Эллоиссента?

Но, Слепой Ткач мне свидетель, эта темница из власти и золота не навсегда. Придёт время, я обязательно найду способ отсюда вырваться.

Выполнив свою работу, фрейлины ушли.

Несмотря на высокое пламя в камине плечи обнимал холод. Уют не радовал, а роскошь – не восхищала. Тюрьма, выложенная из золотых слитков – все та же тюрьма, а кандалы из платины – те же цепи.

Наконец входная дверь распахнулась, свидетельствуя о том, что час, которого я дожидалась и страшилась, пробил.

Дик*Кар*Стал, пока шёл (кстати, не ко мне, к маленькому столику со спиртным) отражался в зеркалах размытой тенью. Белым пятном в полумраке вспорхнули его руки, зазвенела стеклянная пробка графина, донёсся тихий шёпот жидкости, скользнувшей в хрустальный стакан из хрустального горлышка.

Король резким движением опрокинул рюмку.

Хм-м? Кажется, не одна я сегодня нервничаю, да?

Что, боитесь, сударь, не сдюжить первую брачную ночь?

По летам – не юноша, да и в предпочтениях, по слухам, у вас мальчики...

Хоть бы скорее начинал уже! И заканчивал. С неприятностями лучше не тянуть.

– Вот, значит, какая ты... Литуэль? – со смешком протянул он.

– Меня зовут Одиффэ. Увольте меня от этого бреда про воплощённых Темных Богов.

– Это не бред. Нравится тебе или нет, но ты – вместилище огромной силы. Сама по себе мощнейшее оружие.

– Я – не оружие, – ошетибилась я, – а человек. Да будь я в самом деле наполовину столь могущественна, как вам представляется, поверьте, я бы не оказалась бы здесь.

– Хочешь знать, как всё начиналось? Как мы впервые встретились?

По лицу Тёмного Короля плясали огненные блики, одновременно и искажая, и преображая его черты.

Станный все-таки у этого типа взгляд. *Так* на меня ещё не один мужчина не смотрел. Совершенно бесстрастно, открыто, без тени вожделения. Словно я не женщина, не человек даже, а какой-нибудь редкий сосуд с ядовитым содержимым.

Дик*Кар*Стал был не просто бесстрастен – он словно бы

в скалу превратился, в холодный чёрный камень.

– Демона я впервые вызвал, – продолжил он, – когда мне было тринадцать. В ту ночь все во дворце сладко спали, окутанные тишиной. Ни одна из лун ещё даже не появилась на небосводе, а я, подстегиваемый азартом и нетерпением, уже рисовал пентаграмму вызова. Помню, сила так и текла из пальцев, словно ей не терпелось так же, как не терпелось мне. Линии, прорисованные по полу мелом, засветились ядовитой зеленью. С Той Стороны откликнулись почти сразу. Ты когда-нибудь видела демонов? – взглянул он на меня.

– Только низших.

– Красивые они, – задумчиво сощурился Дик*Кар*Стал. – Похожи на драконов, какими их рисует молва.

В памяти воскрес недавно убитый на болоте демон. Белая, бесконечная, зубастая глиста. Не была она похожа на дракона.

– Я знаю, что большинство людей не находят демонов привлекательными, – усмехнулся Дик*Кар*Стал, – но демон, явившийся мне в ту ночь, был не просто хорош – он был великолепен! Похож на золотую змею, весь в огненных всполохах. Плоть его словно переливалась; сияя, менялась ежесекундно, будто лава в жерле вулкана. Узкую хищную голову венчали не рога, как обыкновенно бывает – широким, сверкающим ореолом её окружал капюшон, как у атакующей кобры. В глазах твари царил мрак, такой глубокий и беспро-

светный, холодный и убийственный, что кровь леденела в жилах.

Демон прошелестел, тихо, почти невесомо, как шуршит ледяная крошка по насту от ветра. Холодный такой, безнадёжный звук.

«Зачем?.. Зачем ты позвал меня, маленький человечек? Что побудило тебя взломать оковы с Врат Бытия и потревожить тех, кого не называют?»

Я проблеял со всей смелостью, которую сумел тогда в себе отыскать:

«Хочу получить власть. Хочу стать великим королём».

«Власть, говоришь? Королём стать желаешь?».

«Очень сильно желаю», – подтвердил я.

«Предположим, соглашусь. Чем заплатишь?».

«Душой?», – предложил я.

Будто десятки крохотных колокольчиков растревожило неосторожной рукой. Казалось, нежной мелодией сочился сам воздух – демон смеялся:

«На что мне твоя жалкая душонка, маленький человечек? Я не Собиратель Душ».

«Чего же ты хочешь?», – растерялся я.

Дик*Кар*Стал смолк.

Пауза грозила затянуться.

– Что же потребовал с вас демон? – вежливо поддержала разговор я.

– Демон потребовал, чтобы я женился. На тебе.

– Чтоб Бездне разверзнуться! – вскочила я с кровати, выпрямляясь во весь свой не слишком внушительный рост. – Что за безумные сказки вы мне тут рассказываете, маэстро?! Зачем, скажите на милость, высшим демонам потребовалась устраивать мою личную жизнь? Какая им, к Ткачу, разница, замужем я или нет?! Хотите сказать, что там, в Преисподней, кроме как глупым сватовством, заняться больше нечем?

Хотя, если подумать, в преисподней знают толк в мучениях. Воистину, этот брак для меня – преддверие Ада.

– Демона не интересовала чужая жизнь, – покачал головой Дик*Кар*Стал. – Демон, явившийся мне в ту ночь, была сама Литуэль. Это с ней я заключил сделку, согласно которой получил трон моего отца и безраздельную власть над Фиаром сроком на тридцать лет. В оплату же обязался помочь демону выбраться из Бездны, воплотиться в человеческом теле и воцариться на земле. По истечению тридцати лет я должен был жениться на воплощенной Литуэли, иначе Сторожевые Псы Преисподней исторгнут мою грешную душу и навеки предадут её Бездне.

– Вы мне весь местный фольклор пересказали? – делано засмеялась я. – Что же получается?.. Согласно вашей теории, я сама?.. Сама потребовала, чтобы вы женились на мне?!

Он кивнул. Коротко. Бесстрастно. Без всяких эмоций.

Ну это ж надо ж *так*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.